

**Наринэ
Абгарян:**
«Так уж получилось,
что мне проще пи-
сать на русском»
(С. 39)

**Ибрагим-Халил
Супьянов:**
«Я постоянно
освобождаю
мастерскую»
(С. 36)

ДАГЕСТАН

№5 (140)
МАЙ 2017
journaldag.ru

Колонка неглавного редактора

Листайте дальше

Никто не читает передовиц, разве что те, кому по должности предписано. Корректор, например. Или цензор. Не внутренний, отнюдь.

Читатель привычно мазнет взглядом по серым буковкам, не зацепившись за пресный заголовок и холощенные строки, даже не догадываясь, а точно зная – опять пустота. Опять воспевание высоких отношений с клеймом низкой пробы.

Нет, ну, в самом деле... «На днях я ехал в автобусе и случайно подслушал разговор двух горожанок...». Прекрасное начало для того, чтобы прочитать мораль *urbī et orbī*, не так ли? Дружок, хочется сказать, ласково приобняв автора, подслушивать нехорошо, нас этому учили еще в школе. Ты, видимо, прогуливал уже в начальных классах. И потом, согласишься: ты не папа римский, твоего благословения никто не ждет. Увы.

Кстати, о папах... Достаточно распространенный приемчик – повествовать о своих детях и с неприметно легкой ноткой самоиронии персональных талантах воспитателя... Коллега, мин херц, мы догадывались, что ты не Песталоцци или Ян, прости господи, Амос Коменский. К тому же, не стоит так непринужденно разоблачаться на людях до исподнего. И немного подло по отношению к детям: они, верно, никак не виноваты в том, что ты вынужден зарабатывать на жизнь написанием колонок. Ну, ты понял...

Вот что всегда выручает, так это погода за окном. И еще классики! Замечательные люди, право слово: можно брать займы без отдачи. Никто не пришлет по твою душу гопников с битами. И не сломает пальцев, бестрепетно выстукивающих «... в этом вопросе я полностью согласен со Львом Михайловичем Чеховым, чье высказывание только подтверждает мою скромную мысль...». Мысль? Твою? Экий ты застенчивый проказник, Альхен, тебе бы завхозом в собесе...

А ведь, были, были прецеденты, ловили за руку... Раз в «Дагестанской правде» советского еще разлива случился курьез. То ли, что вероятнее всего, кто-то из своих стуканул, то ли в обкоме отыскался почитатель периодики из-за Каспия, но всплыло. Ведущий партийный орган республики регулярно передирал передовицы из среднеазиатских СМИ. По-братски, да, со всей партийной прямоотой, слово в слово. Кто же их читает, эти передовицы?

Моралитэ... Надеюсь, читатель, ты не добрался до этого места. Остальным, в части их касающейся, довожу: журнал стал несколько пухлее. Тщеславие льстиво шепчет, что чуточку разнообразнее, а местами даже краше. Тщеславие – грех. Последнюю дырку «на флажке» дедлайна я заткнул. Типография, у нас плюс восемь полос, учтите.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- Андрей Меламедов*
4 Баба Бабаев:
«Наше отставание
запрограммировано»
- Тамерлан Магомедов*
9 Долги наши тяжкие
- Наида Хаспулатова*
12 Ростки на равнине
- Память
20 Блокнот Сергея Чекмарева
- Магомед-Расул*
26 О шагах назад
- Влада Бесараб*
30 Этери Мусаева.
Возвращение в Чох
- Светлана Анохина*
36 Ибрагим-Халил Сутьянов.
Портрет художника
с дудочкой

Фото в номере: Гаджикурбан Расулов, Руслан Алибеков, Сулейман Алиев, Магомед Даудов, Марина Бесчастнова, Евгений Костин, Мария Шерматова, Владимир Севриновский

16+

ДАГЕСТАН

№5(140) май 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор)

67-02-08 (отделы)

E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)

Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001

Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

39 Наринэ Абгарян.
«Понаехавшая» как состояние души

Светлана Анохина

56 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

43 Светлана Мусаева.
Голос дается тому, в ком есть кураж

Влада Бесараб

59 Метатекст

Дамир Саидгазин

48 Лебеди

Владимир Севриновский

64 Поэзия

Магомед Ахмедов

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Андрей Меламедов

Баба Бабаев:

«НАШЕ ОТСТАВАНИЕ ЗАПРОГРАМИРОВАНО»

Корреспондент журнала «Дагестан» вместе с доктором технических наук профессором Бабой Бабаевым попытался разобраться в том, почему альтернативная энергетика в России находится в зачаточном состоянии, изобретения отечественных ученых в этой области реализуются в других странах. А заодно пополнил свои школьные знания по физике, неожиданно выяснив, что банальные таяние льда и кипение воды, оказывается, называются фазовым переходом.

– Баба Джабраилович, – несколько лет назад я писал о старшем научном сотруднике института высоких температур РАН, генеральном директоре ООО «Дагкремний» Идрисе Идрисове. В свое время он работал в Зеленограде, занимался разработкой солнечных модулей для снабжения энергией орбитальных станций. В ходе исследований он разработал собственную конструкцию модуля с коэффициентом полезного действия 23%, тогда как на тот момент КПД лучших зарубежных аналогов не превышало 17,7%.

Сегодня очень востребованные и популярные в мире модули Идрисова американцы массово производят в Китае, а он сам является владельцем полукустарного бизнеса, поскольку широкого спроса его продукция в России не находит. Очень показательная история, на мой взгляд, Вам не кажется?

– Да, у нас пока альтернативная энергетика приоритетным направлением, увы, не стала. Я знаком с Идрисовым, посылаю студентов к нему на практику и понимаю, что конкурировать с мировыми лидерами

в этой области пока без государственной поддержки нереально.

– Слишком уж много нефти и газа в стране?

– И это тоже. Создается впечатление, что государству данное направление не очень интересно, внятной политики в области возобновляемых источников энергии нет, государственная поддержка отсутствует, никаких дотаций для «альтернативщиков» не предусмотрено. В развитых странах все крупные генерирующие компании, работающие на традиционном сырье, законодательно обязывают ежегодно наращивать мощности на основе возобновляемых источников энергии. Тех, кто не нарастил, заставляют покупать так называемые «зеленые сертификаты». Деньги, вырученные от их продажи, государство сразу же вкладывает в альтернативную энергетiku. Поэтому этот сектор и развивается очень динамично

Я уже не говорю о том, что на энергетическом рынке покупателей (опять же законодательно) обязывают прежде всего покупать продукт, полученный за счет эксплуатации возобновляемых источников, а

любой человек, оснастивший свой дом солнечными батареями, к примеру, может без проблем продать излишки энергии на рынок. В итоге все вложения окупаются уже через 3-5 лет. У нас же продажу альтернативной энергии разрешили только недавно, причем разрешение это касается лишь крупных производителей энергии, мощности которых составляют от 5 до 25 МВт. Как

результат – инвестор, вкладывающий средства в альтернативную энергетику в России, может рассчитывать на прибыль лишь через 15 лет. Для бизнеса, согласитесь, срок нерезультативный.

– **Думаю, по поводу сказанного выше у наших читателей могут возникнуть вопросы. Например: солнечная энергия дармовая, за ветер тоже никому не надо платить. Почему же, в таком случае, энергия, получаемая за счет эксплуатации «халявных» источников, в итоге оказывается более дорогой, чем у традиционных производителей.**

– Производство солнечных модулей – процесс достаточно дорогой. Еще дороже обходится изготовление аккумуляторов, контроллеров заряда, инверторов. Именно поэтому альтернативная энергетика сегодня, в начале своего пути, без государственной поддержки не может конкурировать с энергетикой традиционной.

– **Почему же в таком случае прагматичные западные бизнесмены так активно вкладываются в эту отрасль?**

– Все просто. Для начала, альтернативная энергетика не ухудшает экологическую ситуацию, не усугубляет парниковый эффект. Во-вторых, традиционные источники энергии не бесконечны, наступит время (и к нему уже сегодня надо готовиться), когда их не станет. В-третьих, ежегодно энергия,

вырабатываемая на традиционных мощностях, дорожает, тогда как «нетрадиционная» энергия, наоборот, дешевеет. Если десять лет назад между ними была практически пропасть, то теперь это небольшой ров. Еще несколько лет и они сравняются в цене, ну а потом мы будем наблюдать, как альтернативная энергия уйдет в отрыв.

Смотрите, несколько лет назад ученые впервые объявили о том, что вскоре традиционные кремниевые модули заменят органические полупроводниковые преобразователи. Сегодня такие материалы уже есть, вскоре они из научных лабораторий придут на рынок.

– **А чуть попроще объяснить можно? Что именно придет на рынок?**

– Грубо говоря, речь идет о полимерной краске, которой можно будет, к примеру, окрасить фасады домов. После чего эти фасады превратятся в гигантские солнечные батареи. Под воздействием солнечного света органическая структура этой краски будет деформироваться, аккумулируя электрическую энергию, а в ночное время – восстанавливаться, одновременно генерируя ее. Все очень бюджетно и очень эффективно.

Параллельно идет работа над удешевлением аккумуляторов с одновременным повышением их коэффициента полезного действия (КПД). Это как раз сфера моих

научных интересов, я плотно занимаюсь вопросами повышения производительности аккумуляторов, предназначенных для нагревания теплоносителя за счет солнечной энергии.

– У нас на даче была душевая кабинка, на крыше которой стояла бочка с водой, выкрашенная в черный цвет. За день вода в бочке ощутимо нагревалась, обеспечивая комфортное мытье после трудового дня. Если бы вместо бочки мы установили плоскую емкость с большей площадью инсоляции, думаю, температура воды была бы больше. Других способов повышения КПД я абсолютно не представляю.

– Тем не менее, они есть. Я вас сейчас немного загружу цифрами, но без них не обойтись. А сначала немного теории. Есть такое понятие фазовый переход, означающее изменение структурного состава вещества. Это когда, к примеру, лед превращается в воду. Или вода в пар. Так вот во время фазового перехода происходит множество интересных вещей. Вы вот сказали про бочку с водой. Если мы возьмем кубометр воды, то при нагревании ее всего на 1 градус, мы получим 4,2 МДж энергии. Много это или мало? Давайте сравним. Если мы эту же воду поднимем на сто метров, а затем выльем, энергии при этом будет выработано в четыре раза меньше – всего 1 МДж. Получается, что внутренняя энергия вещества всегда больше внешней. С включением в процесс аккумуляции внутренних структурных частиц вещества аккумуляционная способность возрастает в сотни, тысячи раз. И именно здесь кроются все резервы.

Если мы заменим воду парафином, то после фазового перехода, а проще говоря, расплава, который происходит после 70 градусов, повышение его температуры на тот же один градус позволит саккумулировать уже 240 МДж/куб.м. энергии. Существуют некие соли, многокомпонентный состав которых, во-первых, плавится при тех же 70 градусах, а, во-вторых, аккумулирует при нагревании больше энергии, чем парафин. Я, к примеру, подобрал состав, который позво-

ляет получить на выходе 324 МДж/куб.м. энергии.

– **Это чисто научный опыт, или ваше открытие можно конвертировать в какое-нибудь изделие?**

– Вполне можно. Немцы, например, заинтересовались моей системой теплохладоснабжения, работающей за счет энергии Солнца. Это такой большой кондиционер зима-лето на солнечных батареях, при помощи которого можно отапливать или охлаждать здание. В нем используется низкокипящий теплоноситель, обеспечивающий бóльшую производительность, чем у существующих аналогов.

– **В России это, как понимаю, никого не заинтересовало?**

– Пока нет. У меня 17 запатентованных изобретений, 5 авторских свидетельств, но в стране все, что относится к нетрадиционной энергетике, не очень востребовано.

– **В «металл» что-нибудь воплотили, или все зависло на стадии чертежей и научных разработок?**

– У себя на кафедре «Возобновляемые источники энергии» в ДГУ я собрал опытную установку для производства биогаза, работающую на навозе и опилках. Результаты такие: из килограмма сухого навоза легко можно получить 0,2 кубометра биогаза с содержанием метана на уровне 64%. Чтобы было понятней, поясню: достаточно переработать 70 кг навоза, чтобы загруженная «Газель» может проехать 100 километров. А возле каждого фермерского хозяйства этого топлива – десятки тонн.

Вместе с профессором Владимиром Данилиным из Краснодара мы в свое время сделали и запатентовали сумку-холодильник с фазопереходным теплоаккумулирующим материалом. Она держит температуру намного дольше существующих аналогов. При испытании в нашем Минсельхозе за сутки при дневной температуре 26-27 градусов, температура внутри сумки не поднялась больше восьми. Это очень важно при массовых вакцинациях животных – большое количество ампул должно в течение долгого времени храниться при достаточно низких температурах.

Кстати, фазопереходный теплоаккумулирующий материал в своих изобретениях я использую достаточно часто. Для «Дагро-промстройка», к примеру, сделал установку для сушки трав, плодов, ягод. Так она работает в постоянном режиме – и днем, и ночью – процесс сушки значительно ускорился.

Очень интересный солнечный коллектор я сделал по заказу Дагавтодора. Он устанавливается на склоне горы, в местах, где сверху стекают ручьи. Вода, попадая в межгофровое пространство, нагревается, без всяких насосов поднимается вверх и при этом нагревается. Хоть баню круглосуточную прямо на строительной площадке запускай, хоть небольшие дома отапливай. Но это все мелочи, масштабные заказы в России, как я сказал, получить нереально. Серьезные продукты интересуют в основном иностранные компании. К примеру, разработал компьютерную программу оптимизации энергоснабжения автономных потребителей за счет местных возобновляемых источников энергии.

– Баба Джабраилович, среди наших читателей технарей не очень много. Если можно, чуть популярней.

– Пожалуйста. Программа позволяет приехать в любой населенный пункт, в тот же Ботлих, к примеру, и практически моментально рассчитать схему альтернативного энергоснабжения. В компьютер вводятся параметры солнечной радиации, количество солнечных дней в году, средние температуры за год, данные о господствующих ветрах. На выходе мы получаем следующие рекомендации для оптимального энергоснабжения Ботлиха: построить две ветровые электростанции в северной и восточной частях села (при этом указывается их мощность), установить там-то и там-то солнечные батареи с такими-то параметрами, а на Андийском Койсу – рукавную ГЭС такой-то мощности.

Ознакомившись с нашими разработками и программой, зарубежные коллеги буквально завалили меня предложениями. Зовут работать, читать лекции, внедрять разработки на их площадках.

– Не едете

– Нет.

– Из чувства патриотизма?

– Тут другое. Зовут в основном в англоговорящие страны, а я английского не знаю, в вузе французский изучал. Возраст на плечи давит, инертным стал, думаю о том, что менять что-то в жизни уже поздно. Раньше совсем другим был. В молодости с радостью выезжал в командировки, полстраны объезжал. Я ведь после окончания факультета теплоэнергетического строительства Московского государственного инженерно-строительного института (МИСИ) восемь лет проработал на Кольской АЭС, практически все наши атомные станции объездил по работе.

– А в Дагестан почему вернулись? Ностальгия?

– Да, по родине заскучал. Записался на прием к заместителю министра энергетики СССР Федору Васильевичу Сапожникову, и он посоветовал мне устроиться на работу в ДагЭНИН, сказал, что там работают талантливые ребята, интересными темами занимаются.

– Вы были знакомы с Сапожниковым?

– Под его руководством я писал дипломную работу в МИСИ. Честно говоря, с приездом в Дагестан я немного запоздал. Это ведь было самое начало перестройки, все проекты сворачивались, НИИ разваливались, повсюду бандитизм и «прихватизация». Здание ДагЭНИНа, кстати, тоже прибрали к рукам. В грязь (в буквальном смысле слова) были втоптаны результаты многолетнего труда коллектива института. Недавно я написал книгу по своей тематике. В ней я использовал (естественно, со ссылкой на первоисточник) результаты многолетних полевых исследований всех рек и ручьев Дагестана. Так вот этот самый первоисточник – мокрый, грязный, практически убитый – я извлек из кучи бумажного мусора во дворе ДагЭНИНа (новые хозяева освобождали помещение от «хлама»).

А ведь он мог просто пропасть. И мы навсегда потеряли бы труд огромного масштаба, результат работы сотен экспедиций, год за годом исследовавших все водные артерии республики (предполагалось, что

на самых перспективных участках будут строиться малые ГЭС). Вот, кстати, эта моя книга. Видите, даже у самой маленькой речки тут есть паспорт, в котором записаны ее основные характеристики. К примеру, вот эта. Напор (имеется в виду перепад высот) 50, расход – 0,4 метра в секунду. И вывод: здесь можно эксплуатировать «рукавную» ГЭС мощностью 200 кВт (без учета технических потерь). Объем, конечно, небольшой, но для маленького села в горах вполне хватит. Моему родному селу Муслах, где сегодня осталось всего 40 хозяйств, без учета отопления и 100 кВт хватит с избытком.

– Как я понимаю, сегодня исследования аналогичного масштаба выглядят абсолютно нереальными. И не только из-за нехватки денежных средств, нужных специалистов найти попросту нереально.

– Все верно, мы потеряли очень многое, в СССР альтернативная энергетика считалась приоритетным направлением и финансировалась очень достойно. Жалко, что многие проекты, в том числе в Дагестане, так и не были реализованы. Единственный объект, доставшийся нам в наследство – полигон «Солнце». А планы были громадные. К концу 80-х была выделена земля неподалеку от поселка Дубки, где планировалось построить ветровой полигон, были практически завершены все подготовительные работы. Был готов проект строительства в Тарумовском районе геотермальной электростанции мощностью 24 МВт. Сегодня о таких масштабных объектах нам остается только мечтать.

– Есть надежда, что в ближайшие годы ситуация изменится?

– Надежда остается всегда, хотя сегодня каких-либо серьезных предпосылок для развития альтернативной энергетики в стране по существу нет. Смотрите, в 2009 году было принято постановление правительства РФ, в котором говорилось, что к 2020 году доля возобновляемых источников энергии должна будет составлять не менее 4,5%, а ее выработка достигнет 20 ГВт. В 2013 году, очевидно, с учетом реального со-

стояния дел, постановление это откорректировали. Вместо 20 ГВт в документе появилась цифра 6,2 ГВт, это примерно 2,5% от общей выработки энергии в стране. Еще одна корректировка произошла в 2015 году. На намеченные рубежи (2,5%) намечено было выйти не в 2020, а в 2024 году.

Думаю, что никаких цифр больше приводить не надо. Здесь все – и отношение государства, и уровень финансирования. В общем, наше отставание в этой области запрограммировано.

– Обидно?

– Не то слово. Дагестан ведь регион уникальный. Здесь практически все села в горах можно обеспечить электричеством за счет малых рек. Плюс наши постоянные ветра, волновая энергия каспийского побережья, огромные запасы навоза. Подход абсолютно нехозяйский. Беседую, к примеру с директором школы в горном селе. Рассказывает, что в этом году за уголь для отопления заплатили 600 тысяч рублей. Забил я его школу в свою программу, смотрю – в шаговой доступности небольшая речка с очень хорошими характеристиками. Расчитываю потребности школы в энергии и говорю, что ему достаточно будет купить малую ГЭС за 2,5 млн рублей, чтобы навсегда решить все проблемы с отоплением. А за четыре года с учетом роста цен на уголь эта ГЭС легко окупится. Смеется. Уголь, говорит, заложен в смете, а ГЭС нет. На перспективу у нас в республике ничего не считают, у нас живут одним сегодняшним днем.

– Скорее, вчерашним.

– Если не позавчерашним, с учетом нашего отставания. Помните, раньше при подъезде к Москве и другим крупным городам, взгляд постоянно натывался на параллельные ряды телеграфных столбов вдоль железнодорожного полотна. И где, скажите, эти столбы сегодня? В развитых странах сегодня есть районы, где не встретишь ни одной линии электропередач. У нас же в горах до сих пор топят углем и кизяком и мечтают о газе, как о вершине цивилизации. Тогда как рядом неиссякаемые источники практически бесплатной энергии, которая нужна всем – и никому. Такой вот парадокс.

Тамерлан МАГОМЕДОВ

ДОЛГИ НАШИ ТЯЖКИЕ

Моя бабушка Патимат любила повторять: «Хватит живот набивать, займись делом». Сегодня понимаю, что за колким высказыванием скрывался философский подход: «Не живи, чтобы есть, ешь, чтобы жить». Правда, в дагестанских реалиях – это далеко не азбучная истина. Пропитания ради не только живут, но и жизни лишиться готовы. Или имущества. Той самой пресловутой частной собственности, которая вроде как защищена законом.

ЧТО НИ ПОЖАР, ТО ДОТЛА

Увы, даже самый суровый российский закон меркнет в мареве такого стихийного бедствия как пожар. У нас ведь все стихийно. Стихийные митинги, рынки и даже пожары. Очаги, которые в полном соответствии с теорией относительности синхронно появляются с четырех углов дома. Тем невероятней прозвучала новость, что следовательно таки установили факт поджога рынка на Ирчи Казака ведут поиск поджигателей.

Стремясь установить личность преступника, всегда изучают мотивы. Это древний Герострат гнался с факелом за одной славой. Однако нам сложно поверить, что, решив подпалить прекрасный храм, античный чудак не удосужился стащить хотя бы пары хурджинов с золотом и драгоценностями.

Поджигатели рынка за славой отнюдь не гнались. Деньги, как известно, любят тишину. Криминальные деньги предпочитают, чтобы тишина и вовсе была гробовой. Однако полная тишина бывает звенящей. Как звенят, к примеру, провода под напряжением. Отсутствие которого в день пожара на рынке и стало главной уликой для следствия. Хотя так ли важно было преступникам списать пожар на короткое замыкание?

«Как пожелаем, так и сделаем», – приговаривал при схожем пожаре в Вороньей слободке гражданин Гигиенишвили, брезгливо нюхая свои руки, которые отдавали керосином, и каждый раз после этого вытирая их о штаны. Подчеркну, Гигиенишвили был страстной натурой и тоже не в библиотеке родился. Правда, перед поджогом той незабвенной квартиры он, как и все остальные жильцы коммуналки, застраховался.

Сколько застрахованных было выявлено следственными органами на пепелищах махачкалинского рынка, пока неизвестно. Статистически полторы тысячи еще недавно довольных жизнью сограждан сегодня, согласно классике, правильно будет величать «потерпевшей стороной». Однако к кому предъявлять иски? К исполнителям поджога, которые, которые если и будут выявлены, то заказчиков не сдадут, любезно предоставив государству по всей строгости вышеупомянутого закона взывать с них возмещение ущерба из доходов от шитья роб в исправительном лагере?

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ

К сожалению, выданный мэром нашей столицы миллион рублей, деленный на число погорельцев, может компенсировать

максимум мыло, веревку и подобающе хлипкий табурет. Правда, у государства и вовсе нет ни денег, ни механизмов для компенсации ущерба в подобных случаях. Да и само слово «компенсация» в современных реалиях вызывает нездоровое волнение народных масс, способное спалить весь город. Не случайно дагестанцы пользуются услугами страхования только под угрозой штрафов со стороны ГИБДД.

Страхование торговых точек на случай стихийного бедствия в Махачкале пока не более чем почва для высокопарных бесед. Не готовы оказывать такую услугу и сами страховщики, сосредоточенно лупящие по согражданам неограниченными полисами ОСАГО. Может, пора омбудсменам, агентствам, ассоциациям и профсоюзам, всем, кто декларирует себя защитником прав и интересов предпринимателей, перейти от разговоров к разработке инструментов их действенной поддержки?

Будь у погорельцев коллективная страховка (она значительно дешевле и универсальнее индивидуальной), сегодня они смогли бы получить реальные суммы, ощутимо компенсирующие понесенные убытки. Создав бизнесу благоприятные условия для использования различных финансовых услуг и продуктов, не пришлось бы давать неисполнимые обещания и объяснять, как вышло, что никто не виноват.

Увы, но это мы, торговцы, учителя, врачи и нянечки в детсадах, виноваты в том, что, столкнувшись с тем же поджогом на

рынке, не включаем оруэлловское двоемыслие. Когда глазами видишь, что от рынка осталось лишь черное пепелище, но готов убедить весь мир, что белее его не бывает. Или клятвенно убеждать всех в честности выборов.

И свято верить в обоснованность предъявленных тебе долгов за услуги ЖКХ.

ГАЗОВАЯ ТУМАННОСТЬ

Стоит признать, что все попытки защитить свои права потребителя, даже вооружившись копиями всех квитанций со времен перестройки, наталкиваются на непреодолимую оборону. Оператор в окошке безмолвно кивает на компьютер и вот гражданин уже смиренно тянется к кошельку.

Отдельные эксцессы в виде жалоб привычно решаются очередными обещаниями во всем разобраться, в которые наиболее наивные даже верят. Пока в следующем месяце не приходит очередная платежка, согласно которой долг снова вырос и значительно. Отчего гражданин начинает вновь обходить все закоулки коммунального ада, понемногу в нем обживаясь.

ЖКХ – вот где воистину дьявол жарит грешников. И пусть кто скажет, что бедность – не порок. Именно бедных по большей части гоняют по замкнутому кругу бесконечных хождений по кабинетам, многократных объяснений, бессмысленных визирований бумаг. Особая мука подобной

экзекуции – в регулярном повторении. Уж квартал близится, а деbeta все нет...

При этом ни в ФАС, ни в Роспотребнадзоре, ни в прокуратуре, не возникает вопроса, с какой стати чужие долги становятся ярмом для остальных. Но пока грешник носится по кругу, словно цирковая лошадь, совокупный долг Дагестана за газ

превышает уже 35 миллиардов рублей. Это баснословная сумма, сопоставимая с третию нового республиканского бюджета.

РЫЖИЙ НЕ ПРИДЕТ

Все изменения от регулярной смены региональных менеджеров «Газпрома» заметны лишь журналистам, подновляющим интервью со старыми вопросами. Для обывателя подобная смена менеджера и его команды – лишь крах очередного пакта о ненападении. Новые люди – новые договоренности. Поэтому никто не удивляется, что в «Газпроме» даже уборщицы ходят на работу с сумками Луи Вьюиттон. Организация не бедная. Да и сама суть работы с населением обеднеть не дает.

Пассивная позиция руководства «Газпрома», лишь констатирующего на этом фоне рост задолженности Дагестана за поставленный газ, заставляет задуматься о том, что же нас ждет. Долг за газ скоро достигнет миллиарда долларов. Тогда, очевидно, и наступит день расплаты. Хотя платить нам было нечем ещё четыре года назад. Конечно, в предвыборный год никто не позволит «нагнетать». Однако не видно и рычагов, которые бы остановили эту компанию после установления стабильности на грядущие пять лет.

В бытность главой РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс применял жесткие санкции в отношении всех неплательщиков без оглядки на формы собственности и ведомственную принадлежность. Надо признать, метод рубильника оказался эффективнее метода дубинки. Уровень собираемости платежей вырос тогда в течение года в три раза, превысив планку в 90%. Смешно, но благодаря аппетитам младореформатора дагестанцы не имеют сегодня заоблачных долгов за электроэнергию.

Приход Чубайса в газовую сферу сегодня вряд ли реален и востребован. Ситуация в сфере поставок ресурсов в регионы начинает напоминать финансовые отношения средневековых банкиров с поиздержавшими феодалами. Скупая векселя аристократа, выжига не спешил предъявить их к опла-

те, дожидаясь полного банкротства. Вопрос только в том, когда счёт за газ предъявят Дагестану и что с нами после этого будет.

Россия богата ископаемыми, чем и интересна западным инвесторам. А чем может сегодня похвастать Дагестан, кроме залежей окаменелых яиц динозавров в окрестностях села Маали? С природными богатствами Дагестану не повезло. Нет у нас ни золота, ни алмазов, ни даже молибдена, как в Кабарде. От нефтегазодобычи в республике скоро останутся лишь рассказы бывших работников «Дагнефти» и бетонные заглушки законсервированных скважин во дворах Махачкалы.

ЖДЕМ МАННЫ С НЕБЕС

Увы, попытки освоить новые нефтегазовые месторождения успехами не увенчались. Разочарование в крупных добывающих компаниях и регулярные дыры в бюджете подтолкнули власти Дагестана к созданию собственной Государственной нефтегазовой компании. Дело это нужное и выгодное – тут тебе и новые рабочие места, акцизы и налоги, другие приятные бонусы, про положительный пиар не забудьте. Дело закипело: компания создана, директор назначен. И на этом все. Остается лишь твердить о консервации месторождений для будущих поколений, заботе об экологии, поиске стратегического партнера. И надеяться, что настанут еще времена, когда цены на нефть и газ когда-нибудь подскочат, оживляя потухший огонь интереса к нашим «худосочным» месторождениям.

Федеральный центр отказал и в госгарантиях на 3 миллиарда рублей под проект собственного производства сжиженного газа. Рассчитанный на удовлетворение внутренних потребностей Дагестана, он не вызвал интереса ни у госкомпаний, ни у бизнес-структур. Дагестан сегодня вообще мало кому интересен как рынок инвестиций. К сожалению, слова Рамазана Абдулатипова о том, что Дагестан кормили, но не лечили, оказались пророческими.

Впрочем, и «кормить» нас за последние годы стали заметно меньше.

Наида Хаспулатова

Хасавюртовский район встречал долгожданной солнечной тёплой погодой и совершенно неожиданной 9 мая свежей клубникой, которая ведрами продавалась через каждые 100 метров по дороге. Этот неровный дорожный пунктир алых точек клубничных лотков, красные капли ягод, и совсем темных, и пронзительно ярких – он словно напоминал: были и другие дороги.

РОСТКИ НА РАВНИНЕ

По ним ушли из родных домов в годы Великой Отечественной более 14 тысяч мужчин. По ним они шли, оставляя за собой такой же красный прерывистый пунктир, долгих четыре года. И вернулись они домой с победой, но не всех дождалась родные. Больше половины навсегда остались лежать там, вдоль бесконечных фронтовых дорог и на безымянных высотах...

И были, конечно, награды. Одиннадцать воинов этой земли удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них – разведчик Абдухаким Исмаилов, водрузивший Знамя Победы на рейхстаг, пулёмётчик Ханпаша Нурадилов, танкисты Эльмурза Джумагулов и Иса Султанов, сержант Абдурахман Абдулаев. Эти и многие другие имена – их

вспоминали на церемонии возложения венка у памятника героям Великой Отечественной войны. Минутой молчания почтили память победителей. И был живой победитель. Один. Из последней пятерки победивших и оставшихся в живых. На весь многолюдный Хасавюртовский район. И когда глава района Джамбулат Салавов говорил, что 9 мая – дань памяти героизма, беспримерного мужества и отваги солдата, этот солдат там все еще был.

ГЕНЫ СИЛЬНЕЕ

Касум Кубатов родился ещё в царской России, в 1915 году. Провоевал всю войну, жил тяжело, но в свои 102 года удивительно бодр. Именно он, боевой ветеран, возложил венок к монументу со словами:

– Когда мы поздравляем друг друга с праздником Победы, мы должны вспоминать имена погибших воинов, их дела. Вечная слава ветеранам, вечная память погибшим. Я желаю нам всем, чтобы наши дети, внуки и правнуки не знали ужасы и страхи войны.

Касум Касумович говорит, что часто вспоминает войну, бои, сослуживцев. Особенно, как его стрелковый батальон Южного фронта попал в осаду в июле 1941 года:

– Против нас фашисты бросили пять танков, за два дня боёв из 600 человек боеспособными остались всего девять. Очень кровопролитные бои шли под Ростовом. ... Мы раньше

КОСТЕКСКИЕ СОБОЛЯ

Бытует мнение, что соболь и песец могут жить только в холодных краях. Дескать, здесь, в жарком климате они или не выдержат, или облезет за ненадобностью мех. Мнение проверку действительностью не выдержало. Потому что в селении Новый Костек три года назад появилась и процветает соболиная и песцовая ферма.

встречались со своими фронтовыми друзьями, сейчас мало кто остался. Победу я встретил в Кенигсберге.

Жизнь его была напряженной не только в войну. Родился в акушинских горах:

– Был богатый колхоз, но в 1944 всё село переселили в дома депортированных чеченцев. Когда чеченцев вернули, село переехало сюда, в Аксай. Я после войны работал в Северной Осетии бухгалтером в колхозе. Это был самый счастливый период моей жизни – очень хорошая земля была, очень хороший колхоз и очень хорошие люди вокруг.

И ещё. Касум Кубатов и выглядит, и чувствует себя на 30

лет моложе своего возраста. Несмотря на войну, недоедание и работу порою круглые сутки. Получается, врачи лукавят, когда призывают вести здоровой образ жизни и избегать стрессов? Прекрасные гены оказались сильнее суровой жизни.

... Не знаю, как на севере, но здесь зверьки беспрестанно тьякали и безостановочно сновали в своих вольерах. На мой взгляд, белые и жемчужные соболя были прекрасны, правда,

хозяин пушной фермы считает, что у них сейчас самый «некрасивый» период, они полиняли. Настоящие красавцы они в начале зимы. Да и щенки только что появились, поэтому так агрессивны.

Абдулла Маламагомедов, владелец СПК «Росомаха», вначале занялся традиционным животноводством – завел отару в тысячу баранов. Но исконный дагестанский промысел ему показался скучным и малоприбыльным. Поэтому овец сменили пуш-

стые красавцы. Опыт у него был, наработал в зверохозяйствах Севера. Жару помехой прибыльному бизнесу не считает:

– Их можно разводить в любом климате, лишь бы кормили хорошо. В Дагестане мясных отходов валом. Сначала мы привезли

из Якутии и из пушкинского зверосовхоза 5 песцов на пробу, получили от них в итоге 300. Они быстро размножаются, 12-13 щенков в одном помёте. В Финляндии заказали сейчас щенков соболя, норки, песца.

Сейчас на ферме 2000 песцов, 600 соболей, енотовидные собаки. Единственное, росомах здесь нет, так что непонятно, откуда такое название. В хозяйстве свой выделочный цех, продают шкурки и готовую одежду – шубы, шапки, сейчас хорошо расходятся модные изделия из меховых шариков. Спрос на продукцию высокий, так как цены в два раза ниже импортных, а качество не хуже.

С обвинениями защитников природы, что шкурки сдирают с живых животных, Абдулла яростно спорит:

– Мы делаем укол, они мгновенно умирают. Мы не живодеры, живьем сдирают шкуру только садисты, чтобы поиздеваться, качество меха никак от этого не зависит. Оно зависит только от питания.

Бизнес «Росомаха» будет продолжать и расширять. К 22 вольерам добавится ещё штук 40. Начнут разводить и волков – лично я про разведение волков услышала вообще первый раз в жизни. Абдулла говорит, что в Сибири высокий спрос на волчьи рукавицы и шапки – она гораздо крепче телячьих. И большие туберкулёзом готовы отдать любые деньги за волчье мясо.

Успешному предпринимателю никто не помогает:

– От государства ни рубля не получил, только с меня сдирают налоги и социальные взносы. Подавал документы на грант, но не пропустили. Зато этот грант получили те, у кого вообще никакого хозяйства нет. Но мы любим животных и всё равно будем их разводить.

«Росомаха» – единственное пушное хозяйство в Дагестане. Но Абдула Маламагомедов, возможно, станет основателем новой отрасли в Дагестане:

– Отдал несколько щенков в село Мусультемахи Левашинского района, Оттуда новые обладатели звонят счастливые, говорят, хорошо зверушки растут.

ЦЫП-ЦЫП, ДЖУДЖАЛЯРИМ

Аштар Батыров инвестировал в традиционную отрасль – разведение кур. Его детство прошло рядом с птицефабрикой в Ботаюрте, и когда она фактически перестала работать, Аштар, который к этому времени стал успешным бизнесменом, выкупил старые корпуса и вложил миллион долларов. Так родился батыр птицеводства, «Батыр-Бройлер».

... Сюда, как в больницу, пускают только в белых халатах. С одной стороны – классические советские птичники, с другой – современные зелёные блоки. Прямо на входе – «многоэтажный» пульт, примерно как в кабине самолёта. Жёлтые цыплята копошатся за стеклом, но заглянуть за него даже с порога не дали – они маленькие и нежные, могут заразиться. Пустили только к взрослым курам. Птичница Тамара Джабирова считает, что здесь работать легко, процессы автоматизированы, поддерживается постоянная температура и влажность, остаётся только следить за суматошной птицей. Зарплата по дагестанским меркам хорошая, больше 30 тысяч:

Зам по производству Шамсудин Аджиев рассказывает, что яйца для бройлеров закупают в Европе, установили бельгийское оборудование по производству комбикорма,

сырье для которого – ставропольская пшеница, кропоткинский жмых:

– Мы будем первой птицефабрикой в Дагестане, которая работает по замкнутому циклу. Сейчас у нас шесть птичников советской постройки, восемь новых. До 2020 года хотим разместить 18 новых корпусов, и ещё столько же на площадке неподалеку. Сейчас мы продаем 3 тысячи тонн курятины в год, спрос большой, продукт расходуется по всему Дагестану, по Чечне. Есть даже предложения из Саудовской Аравии и Эмиратов, потому что у нас европейское качество, но при этом хаал.

У нас сейчас 25 постоянных работников и в два раза больше временных.

А когда объявили новый набор, я и сам удивился, сколько молодых рвется у нас трудиться», – рассказывает Шамсудин.

КУСОЧЕК ЮЖДАГА

Новый Куруш – единственное лезгинское село в северном, да и в центральном Дагестане. Южане из нескольких сёл До-

кузпаринского и Ахтынского районов переселились сюда в 1952 году, после того, как Азербайджан перестал пускать дагестанские отары на летние пастбища, которыми эти сёла пользовались веками.

Потеряв главный источник дохода, лезгинам пришлось переселиться на другой край республики. Горское трудолюбие помогло быстро и успешно научиться совершенно новому занятию – выращиванию винограда. Был крупный совхоз с 3 тысячами га виноградников, очень богатый. Люди много работали, но и зарабатывали соответственно. Женщины при этом не забывали своё старинное ремесло – в селе была ковровая артель. Это село моего отца, и я помню ткацкие станки в каждом доме, в любую свободную минуту женщины присаживались сделать хоть несколько узелков. У нас до сих пор в доме есть два ковра, сотканных моей бабушкой, которой уже 30 лет нет на свете. Необычные солярные узоры, яркие краски, и, что удивительно, эти ковры вообще никогда не пачкаются, даже белые и светлые узоры такие, как будто ковер соткали вчера.

Да, многое изменилось. Из плюсов – в Новый Куруш наконец, провели водопровод и газ, душ и стиральные машины появились в каждом доме. Но земля оказалась полностью заброшена, виноградники передали в «Дагвино», и они все высохли. Ткацких станков я не видела у родственников уже лет 20. Надеюсь, что хоть несколько ковровщиц осталось, но в администрации села мне сказали, что не знают ни одной. Все, кроме бюджетников, торгуют. Или уезжают «в город».

Но Малик Шавелидов, зам. главы села, уверен, что сельчане всё равно стали лучше жить после переезда:

– Старики не жалели, что сюда переехали. Здесь много хорошей земли, равнина, рядом Хасавюрт. У нас очень трудолюбивые люди. Скотину держат в каждом дворе. Совсем заброшенной земли нет. Крестьянско-фермерское хозяйство (КФХ) Диярханова

начало возрождать виноградники, посадили 85 га, кооператоры СПК «Курушский» сажают чеснок и овощи, есть несколько мелких ферм, остальное под сенокосами, да и скотины на земле много. Прежде многие с хорошей прибылью торговали на хасавюртовских рынках. Сейчас базары пустеют, покупателей всё меньше, и люди начали потихоньку возвращаться к земле.

К хозяйству Диярханова мы подъехали в приятный момент: раздавали зарплату. Кругом кусты молодого винограда. Пока все держится на энтузиазме Вагифа Диярханова, директора ГКУ РД «Безопасный Дагестан». Интерес к винограду у него потомственный, он внук Сейфудина Кулиева, первого председателя Новокурушского колхоза, Героя Социалистического труда,

который был организатором Куруша на новом месте и смог научить потомственных чабанов выращивать солнечную ягоду. Отец Вагифа, Сабир Диярханов, был директором этого же совхоза.

– Мы все выходцы из этого села. Был совхоз-«миллионер», люди жили зажиточно. Когда он рухнул, с 1995 года уже никто не работал в поле. Когда отец видел, что виноградную лозу режут для тандыра, ему становилось плохо. В соседних сёлах хоть что-то

сохранилось, но именно в Куруше был полный крах. Поэтому и решил возродить виноградники.

В первую очередь я держу фермерское хозяйство ради Куруша и курушцев, но надеюсь когда-нибудь получить прибыль. Уже рассчитался с долгами и кредитами, вернул свои вложения, сейчас, после 12 лет работы вышел в ноль, уже хорошо. Но это «длинные деньги».

Себестоимость килограмма 13.5 рублей, сдавал прошлым летом на Кизлярский коньячный комбинат по 15, слишком маленькая прибыль. Но в этом году будет по 18 рублей, даже обещают, что по 25.

Господдержку первые три года вообще не получал, потом стали платить по 20 процентов от затрат на посадку, последние годы и вовсе возвращать четыре пятых, хотя за плодоносящие виноградники - никаких субсидий. Но не это главная беда. Государство должно запретить завозить дешёвые некачественные виноматериалы. И нам будет хорошо, и для здоровья полезнее.

Семья меня во всем поддерживает. Жена, как и я, закончила школу в Новом Куруше, средний сын мне во всём помогает, хочу со временем передать дело ему. Я не жалею,

что организовал ферму. Конечно, думал, быстрее выйду на другой уровень, но, по крайней мере, вижу результат своего труда. Есть планы дальше развиваться, ферму хочу построить на 600 коров с цехом переработки, уже первый корпус заканчиваем. И каждый год продолжим сажать виноградники. Надеюсь, скоро курушские земли станут зелёными и ухоженными. Как в моём детстве.

ДРЕВНИЙ, КАК ГЛИНА

В соседнем Сулевкенте древней профессии не дала окончательно пропасть одна семья. Брат и сестра Шахбановы собрали музей, в котором соседствует керамика прошлых веков и современности. Среди экспонатов – посох и кнут чабана, колодки для обуви, древние гончарные круги, одежда и шелковые платки жительниц села. Муж сестры, Рустам Абдулаев, стал лепить посуду, по крупицам собирая секреты мастеров. И у них получилось! На уроки лепки сегодня ходит почти сотня детей.

Джамиля Абдулаева, директор музея, с любовью показывает экспонаты: «Наши прадеды издревле занимались этим ремеслом. Особенность сулевкентской керамики – она вся глазурованная. У каждого кувшина свое название. С «муникаб» невесту первый раз водили к роднику, «дукка» – маслomboйка, «канц» для сыпучих продуктов. Классический орнамент – красный и белый онкоб».

Её муж Рустам, директор детской художественной школы, показывает нам, как

лепить тарелку. Гончарный круг как в старину, без привода, говорит, что пробовал электрический, не понравился – нет чувства движения. Этим ремеслом занимался его дед, отец предпочёл стать учителем. Рустам, получается, и гончар, и учитель:

– Моей дипломной работой на худграфе ДГПУ было большое блюдо с соусником внутри, деревянные такие делают, керамические нет. Раньше были огромные семьи, сюда клали хинкал, наливали соус и все ели с общего блюда. Мы хотели возродить поливную

глазурь, но старую технологию, по которой её делали из свинца, сейчас считают вредной. Поэтому приходится глазурь покупать.

Очень трудно восстанавливать ремесло: многие секреты унесены в землю, последний гончар умер в 2004-м. У нас занятия идут с утра до вечера – 6 групп по 12 детей. Детям интересно своими руками делать то, что делали их предки. Ездим на выставки, выставляем работы детей, всем нравится.

Рустам показывает две тарелки – одна делается за пару часов, на другую, расписную, «вырезанную», уходят сутки. Эту керамику неплохо покупают. На вопрос, что берут чаще всего, неожиданный ответ девушки, которая трудится за соседним гончарным кругом. Осликов! Без них выжить в горах было невозможно, осталась память предков, оказывается. Хорошо идут сувенирные тарелки, кувшины – в них вода всегда холодная и молоко не прокисает.

ШКОЛЫ ВНЕ ЭКОНОМИКИ

В Хасавюртовском районе есть все для процветания – здесь десятая часть всех пашен республики, близость к городу, проходит федеральная трасса и железная дорога. Выращивают коров и овец, птицу, очень

много площадей под кормовые культуры. В сельском хозяйстве последние три года показатели – одни из самых лучших в республике. Объем производства продукции за прошлый год превысил 8 миллиардов рублей. В 2016 году собрано 60 тысяч тонн зерновых, 107 тысяч тонн овощей, 28 тысяч тонн картофеля, 5 тысяч тонн винограда. В районе 30 тысяч коров, 93 тысячи овец и коз. Больше 2 миллионов голов птицы. Пять инвестиционных проектов из шести начатых реализованы полностью.

Заместитель главы администрации МО «Хасавюртовский район» Нурула Муртазалиев особо упомянул, что за два года заложили 150 гектаров интенсивных садов, в этом году еще разобьют более 100. Есть 6-7 руководителей, которые ездят по всем выставкам, привозят всё, что найдут из новинок. Сейчас под плёнкой 150 га, много капельного орошения. Клубники много посадили в Боташюрте и Нурадилово: она очень выгодна.

– Виноградом занимаются ООО «Вымпел 2002», КФХ Диярханова, КФХ Арсланханова, ГУП «Аксай», – перечисляет Муртазалиев. – Они за прошлый год заложили 61 гектар виноградников. Но горбачевская политика свела на нет винодельческие совхозы. Да и сейчас очень тяжело выдают лицензии на производство алкогольной продукции. С лицензией выращивать виноград выгодно, а без нее солнечную ягоду сдаем Кизляру за 13-15 рублей, почти по себестоимости. Поэтому крупных виноградников нет.

И господдержкой фермеры не обижены: за прошлый год – 24,6 миллионов рублей субсидий. Беда в том, что многие не знают: дотации подразумевают обязательную регистрацию, годовые отчеты, уплату налогов. Кто к этому готов, в течение года их получают. Через МФЦ можно подать документы и участвовать в конкурсе. Весь мир дотирует сельское хозяйство. В Азербайджане вспахал гектар – получил тысячу рублей. У нас много волокиты. Я считаю, что каждый муниципалитет должен получать дотации пропорционально площади пашни и выращенной продукции. В районе знают, кто реально работает. А то министерство опубликовало списки получивших господдержку, а мы их и отыскать не могли. Правда, сейчас исправились и без нашего ходатайства ничего не выделяют.

Госпрограммы нужно менять. Огромная ошибка, что ничего не получают личные подсобные хозяйства,

хотя они производят больше половины продуктов. Сейчас фактически почти всё уходит крупным производителям. А нужно – посадил что-то на 5 сотках, построил даже маленький птичник, коровник, теплицу – выделите ему деньги, возмещающие часть затрат.

Другой заместитель главы, Вахит Касимов, курирует в районе социальную сферу. Она, конечно, отличается в лучшую сторону, нежели в других районах: все села газифицированы, во многих есть водопровод, дороги, может и не идеальны, но худо-бедно асфальтированы. Одна тревога – школы:

– У нас 54 школы и аксаевская коррекционная школа-интернат. Треть из них нуждаются в капитальном ремонте. Есть школы, которые пережили по 2-3 амортизационных срока, почему они и включены в федеральную программу.

Самое слабое место «социалки» района – детские сады. Три последних года подряд открывается по детсаду, а всего их 13 муниципальных и три – частных. В итоге в сад попадает лишь каждый пятый ребенок и даже меньше. Хотя во всех школах созданы группы кратковременного пребывания, это. В районе предложили восстанавливать бывшие сады – там и типовые здания, и ухоженная территория. По этой схеме восстановили дошкольное учреждение в Тотурбийкале.

Ещё одним перспективным способом улучшить социальную сферу Касимов считает закон о государственно-частном

партнерстве, принятый в прошлом году. «Закон правильный, но он не работает. В Муцалауле некто Хаджимурад Далгатов построил прекрасный детский сад. Он просит: возьмите на себя фонд оплаты труда и коммунальные

услуги, как в госсадах, я не государство, должен получать прибыль. А сейчас он работает себе в убыток. И закрыл бы, но односельчане упростили. Пока. И чем частный сад хуже государственного?

Но социальная сфера крепнет, уверен Вахид Касимов:

– Политика стала более социально ориентированной, чем в советское время. Раньше не было центров помощи пожилым людям, а сейчас только в комплексном центре социального обслуживания граждан под опекой 1500 престарелых граждан. В районе есть дневной стационар для пожилых, реабилитационный центр для больных ДЦП. Добавилось много льгот. Сейчас люди не ходят за материальной помощью. Мы понимаем, что пенсии маленькие, но в среднем люди живут значительно лучше.

Эти записки солдата Великой Отечественной Сергея Чекмарева в редакцию передал его внук Алексей. После войны Сергей Александрович жил в Избербаше, после переехал в Махачкалу. Работал в обкоме партии. И до конца своих дней, по словам Алексея, крепко верил в идею, в коммунизм, который он строил всю сознательную жизнь.

Здесь — отрывки из блокнота уже взрослого человека о себе 17-летнем. Всего лишь год из долгой жизни.

БЛОКНОТ СЕРГЕЯ ЧЕКМАРЕВА

«Начал в октябре 1967 года.

<... Был холодный, дождливый со снегом февраль 1943 года. Кубань, где жила наша семья, только что освободили от немецко-фашистских захватчиков и люди с радостью сбросили с плеч тяжелое бремя оккупации и снова возвращались к мирному труду...

...В феврале 1943 года я получил повестку явиться в военкомат на призывной пункт. Комиссии, разумеется, глубокой не было, ибо всех, и больных и малолетних, зачислили в запасной стрелковый полк, дислоцированный в ст. Белореченской Краснодарского края.

Проводы были бедные, ибо после оккупации народ настолько жил бедно, что даже нечего было дать в дорогу новобранцам.

...С пешим строем было несколько подвод, где находились наши нехитрые вещи и

мы новобранцы все плелись за подводами с понурыми лицами, ибо знали, куда идем и еще более приходили в замешательство, когда по пути на дороге нам встречались разбитые автомашины, трупы убитых лошадей и людей. Особенно запомнили нам случай по пути, когда нам встретился сожженный сарай в степи вместе с несколькими партизанами. Как нам объяснили, перед отступлением немцы группу партизан заперли в этом сарае и сожгли, среди них была девушка и по утверждению некоторых как будто Зоя Лушкина, которую я знал по комсомольской работе: она работала секретарем РК комсомола.

С таким подавленным настроением мы поздно вечером пришли на место будущей нашей казармы где-то на окраине ст. Белореченской.

Казармы состояли из длинных помещений типа коровников (очевидно до войны

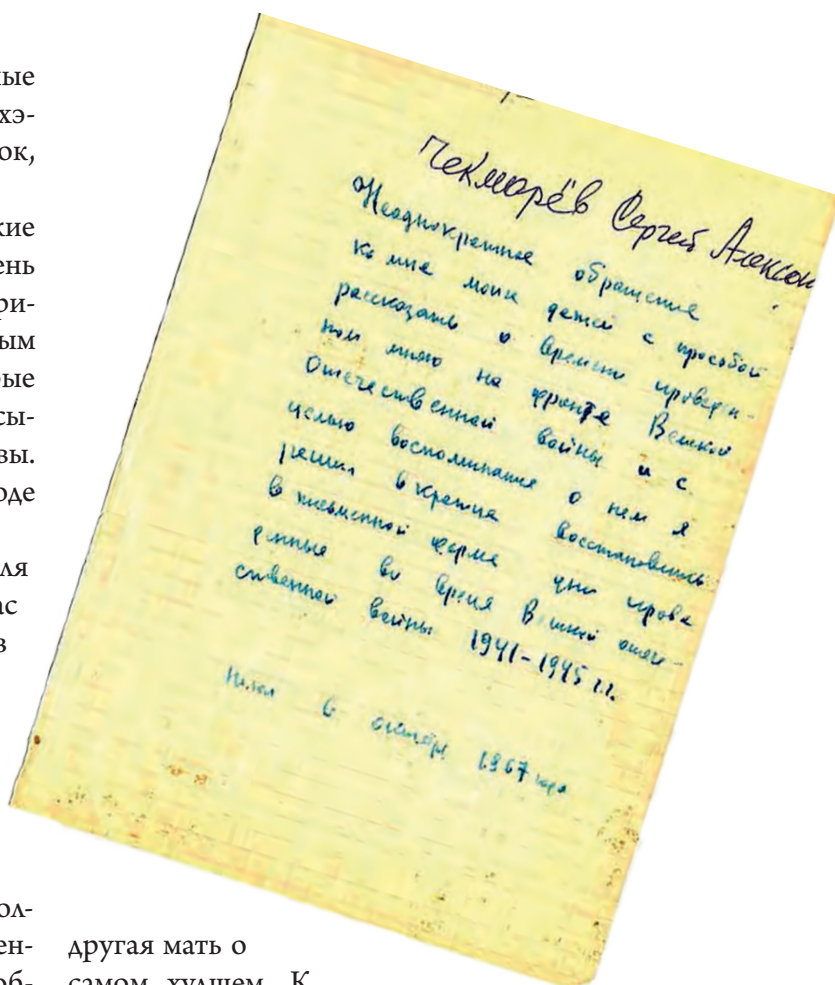

там содержался скот) переоборудованные под солдатское жилье. Внутри были двухэтажные нары сколоченные из грубых досок, земляной пол с деревянным настилом.

В эти же казармы были доставлены такие новобранцы со всей Кубани, причем очень разные по возрасту. Среди нас были старики, которым было под 50 лет и дети которым едва исполнилось 17 лет. Были и некоторые отец с сыном. Одна такая семья: отец с сыном были из с. Белое по фамилии Ивановы. Они были все время вместе, в одном взводе и в одном отделении.

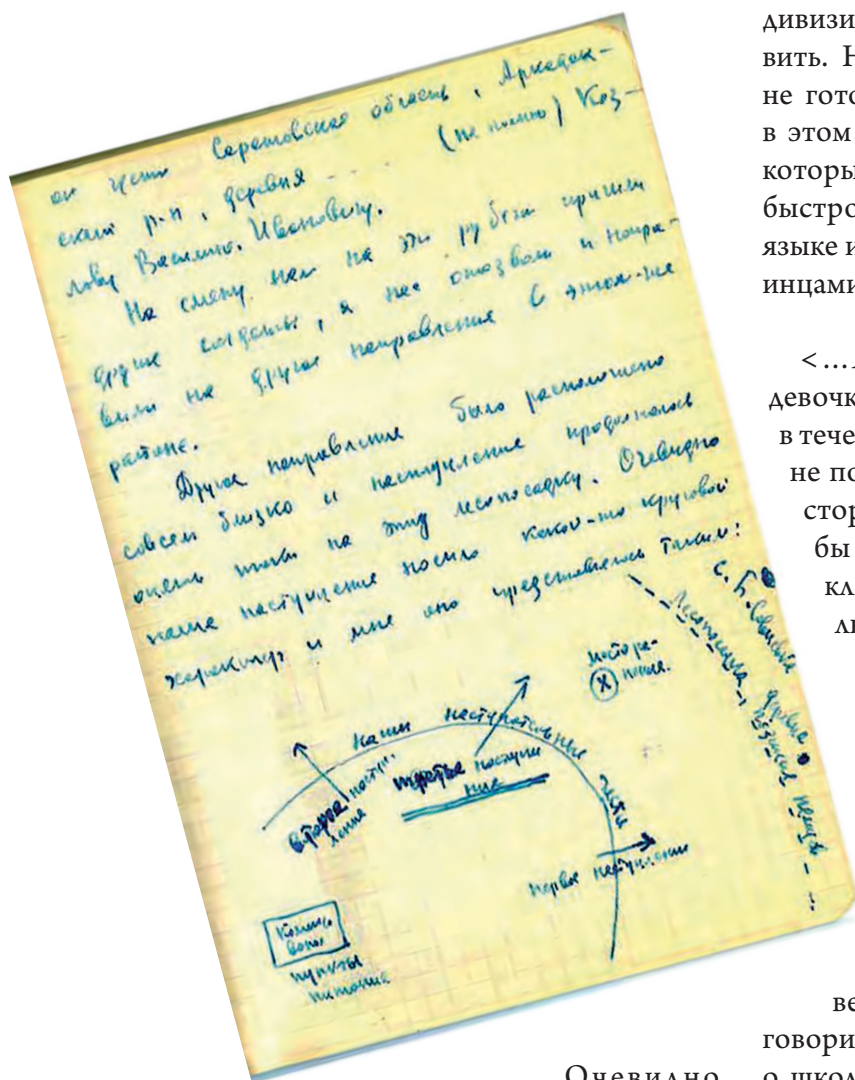
Так продолжалась наша учеба с февраля 1943 года по май. И вот настало время нас переправить на другое место на этот раз под Краснодар. Помещения представляли собой каменные казармы без нар, спали солдаты на полу, на матах, прямо в одежде. Несколько позже и этот лагерь преобразился, сами солдаты построили для себя нары и в некоторой степени обжились. Здесь также мы продолжали учебу, но только уже учили нас военные командиры, которые по мере надобности отбирали более опытных и взрослых для отправки в действующие армии.

...По пути из Белореченской в Краснодар наша дорога проходила через наш хутор и мы, договорившись с командиром, зашли домой. Там застал ужасную картину: мама лежала больная, а младшие братишки, Иван и Алексей, сидели дома, оборванные и голодные. И вместо того, чтобы взять из дому съестное, мне пришлось отдать свои харчишки. Прощание с матерью было самым тяжелым. И она, и я знали, что мы идем на фронт. Хотя немцы покидали нашу территорию, но они отчаянно сопротивлялись и те места, куда мы направлялись, по несколько раз переходили из рук в руки. Она стояла в хате больная, беспомощная и тихо плакала, и я, несмотря на то, что был не слезлив, тоже сильно расплакался. Мне казалось, что все кто остается дома не будут так чутки к матери, как я и, главное, они будут ей во всем перечить, как никогда не делал я. Вот почему меня так жалела мать и всегда меня считала тихим и послушным и, конечно, провозжая на фронт она думала, как и любая

другая мать о самом худшем. К этому времени мой старший брат Григорий, очевидно, уже погиб на фронте, хотя официального сообщения о его смерти не было. Его последнее письмо с фронта из-под Смоленска давало основания полагать, что он больше не вернется домой. Оно было написано в стиле, что «сейчас наступает крупнейший бой и вряд ли я выживу». И действительно, после такого письма от него, как говорится, ни слуху, ни духу...>

<...В этом украинском селе прошли самые лучшие дни в армии. Подобрались молодые ребята, командиры отделений, взводов и рот были тоже из молодежи, попавшие в запасной полк после ранения из госпиталей и уже знавшие что такое фронт. Они старались «спешить жить», ибо знали, что не за горами то время, когда снова придется идти на фронт. Многие из командиров находили себе временные квартиры и «жен», старались внушить и нам, молодежи, не испытывавшей еще женской ласки, что так нужно поступать, иначе впереди фронт и, может быть, смерть.

дивизия, куда нас было намечено переправить. Но т.к. мост через Днепр был еще не готов мы некоторое время оставались в этом селе. За тот промежуток времени, который мы находились в селе, я очень быстро научился говорить на украинском языке и в совершенстве объяснялся с украинцами... >

<... Я познакомился с одной соседской девочкой, ее звали Аня Кучина. Мы с ней в течение месяца встречались. До сих пор не пойму, было ли это увлечение с моей стороны: встречи были ради того, чтобы встречаться, но она сильно увлеклась мной и, как она говорила, «полюбила меня».

Она была очень ласковая умная девушка из бедной семьи. Для меня это были первые встречи с девушкой, любви, очевидно, не было, потому что слишком было беспокойное время, кругом война и настоящей любви быть не могло. Но я тоже к ней сильно привязался, с нетерпением ждал вечера, чтобы встретиться с ней и говорить обо всем. Она мне рассказывала о школе, где она окончила только 8 классов, о работе на заводе, где она работала инструментальщицей и нам было очень весело вместе. Мы ничего больше не хотели, только бы ежедневно встречаться и непринужденно болтать. Несмотря на мою неопытность и стеснительность, обстоятельства были такими, что можно было и целоваться. Вот и начали мы целоваться, это были первые мои поцелуи с девушкой. Когда мы где-нибудь, стоя в темном уголке, целовались, кажется, кругом не было никакой войны. Но наступало время уходить и все всплывало в памяти - война, смерти. ... Мы и расстались хорошими друзьями, даже не обещая в будущем ни встретиться, ни продолжить наше знакомство. Как-то так получилось. Очевидно, слишком много было таких встреч, поэтому они так бесследно проходят, хотя у нас с Аней было еще много встреч позднее, но встреч печальных... >

... Очевидно, наступило такое время, когда в сердце стучится так называемая любовь. Только все эти чувства были скованы военной дисциплиной, военной обстановкой и фронтом. Особенно бередил эти чувства мой командир отделения, Вася Козлов из Саратовской области. Он несколько старше меня и ему уже были известны прелести любви: у него дома осталась любимая девушка. Он так ярко говорил о ней, о любви, что невольно навевал грустные мечтательные настроения. Он, будучи здесь, также имел одну женщину, с которой встречался как с женой и мне лично многое рассказывал о взаимоотношениях с ней...

... В октябре мы тоже снялись с места и погрузились в вагоны. Проехали мы совсем недолго и прибыли в село Каменское на берегу Днепра, а по ту сторону, в городе Днепропетровске, только что освобожденном от немцев, находилась наша

<...Очень трудно описать первый бой, его только хорошо могут описывать писатели, но я попытаюсь.

Нашей роте был дан приказ выбить немцев из лесопосадки, находящейся под большим украинским селом Большая Софиевка.

Где-то сзади страшно бьют орудия, минометы, пушки и все это разрывается у лесопосадки. Мы знали, что после артподготовки нужно выбегать из окопов и бежать в сторону лесопосадки, стреляя на ходу в неизвестность. Вот несколько стихла артподготовка и послышалась команда «вперед».

Я вылез из окопа и неподалеку от своего командира роты бежал в сторону лесопосадки, рядом по ту и другую сторону выбегали какие-то незнакомые солдаты и тоже бежали в ту же сторону. Но вот с немецкой стороны начали массированный минометный огонь, все залегли. Местность была совершенно открыта, никакого укрытия, и мне очень хорошо были слышны страшные стоны, вопли, нечеловеческие мучения тех, кто был ранен или искалечен. Представилась страшная картина. Немцы продолжают бить из минометов. Я, прижавшись к земле, лежал, не двигаясь, а мины рвались совсем близко, задевая осколками мою одежду и засыпая глаза пылью и снегом. В такой обстановке человек ни о чем не думает. Но вот откуда-то рядом послышалась команда моего командира роты передать приказ «вперед», я, напрягая все свои силы, кричал «вперед», сам конечно не сознавая, услышат ли они. Но инстинктивно я стал ползти вперед. Вдруг слышу впереди шум и стоны. Подползаю, а там полуразрушенный немецкий блиндаж и в нем несколько незнакомых мне солдат, таких же молодых ребят. Один из них плачет и кричит: «Мама, я боюсь», а второй его уговаривает: «Не плачь», что у меня тоже слезы подкатывались к горлу.

Сергей и Мария Чекмаревы, Избербаш

...Тут поступила команда «окопаться», и я стал присматриваться в лесопосадку. У меня была винтовка снайперская, и я видел, как немцы перебежали из одного окопа в другой, стал прицеливаться и бить по немцам. Очевидно, я убил несколько фашистов, но нас заметили, т.к. через некоторое время по нашему блиндажу был открыт такой минометный огонь, что мы трое были почти засыпаны. Мины рвались на расстоянии 1-2-х м от бруствера, но в блиндаж не попали.

Потом спустя некоторое время в атаку на лесополосу пошли «смертники», т.е. люди, приговоренные советскими судами к расстрелу, но по желанию они могли искупить свою вину в бою. Их пускали на самые опасные участки фронта. И вот они пошли с криком, воем, но их атака также была подавлена. Уже день был на исходе, больше атак мы не предпринимали и оставались на своих местах. С наступлением темноты к нам подвезли ужин.

Как потом выяснилось от нашей роты осталось всего несколько человек, в том числе и я. В этом бою погибли почти все мои товарищи, но я это узнал уже только тогда, когда вернулся домой. А про Васю Козлова я до сих пор ничего не знаю. Все не соберусь написать ему на родину и узнать об этом, а

живет он где-то Смоленская область, Аркедовский р-н, деревня ... (не помню) Козлову Василию Ивановичу.

На смену нам на эти рубежи пришли другие солдаты, а нас отозвали и направили на другое направление в этом же районе... >

<... Вот молоденькая девушка еле-еле притащила к нам на КП одного молодого паренька. Он страшно стонет. Когда она стала расстегивать шинель и гимнастерку, у него оказалось огромное ранение в живот. Когда она открыла рану, то всем нам показались кишки и от них идет пар... Кое-как она затолкала все содержимое, кое-как забинтовала ему живот, а он, бедный, еле дышит и все время просит «пить, пить», а воду ему совершенно давать нельзя. Так он долго стоял, санитарка его перетащила в блиндаж, а сама пошла на поле боя за другими ранеными, и что было с этим, неизвестно, мы из этого окопа ушли.

Запомнился в этом бою еще один характерный случай. Мне нужно было из КП роты пойти на КП батальона по поручению командира роты. И вот моему взору открылась такая картина. Один раненый боец в горячах бежит в тыл, ему оторвало совсем пятку и половина ботинка, висит мясо и страшно течет кровь. Он бежит и истощно кричит. Все перебегают, согнувшись, а он, очевидно, от боли забыл об этом. И вот уж совсем немного осталось до санчасти батальона и буквально в 10 метрах от меня, прямой наводкой в этого человека с оторванной пяткой попала мина... Мне пришлось переждать некоторое время...

В такой ситуации мы находились примерно около 5 дней. Днем часть бойцов выпускали в бой на передовую, многих ранило, убивало, к вечеру бой стихал, ночью вывозили раненых в тыл, убитых кое-как хоронили в снегу, а утром на рассвете снова в бой.

Оказывается, это была «разведка боем» для того, чтобы выявить огневые точки противника... >

<... В ночь на 31 января 1944 года получили приказ и нам утром идти в бой «на разведку боем».

Приказ мы и особенно я восприняли, как нечто давно ожидаемое, ибо быть в таком настроении, как были до сих пор, когда кругом убивают, просто не было сил и было одно желание скорее к какому-нибудь концу – или быть убитому или раненому. Вечером нам дали ужин, по 100 грамм водки и сказали отдыхать. В 4 часа утра в бой, снова на эту проклятую лесопосадку. Какой может быть отдых или сон в такое время? Все думали, очевидно, о пройденной жизни или о другом чем. Но я лично думал о прожитой жизни. Вспомнил, что как жаль умирать в 17 лет, не испытав женской ласки, вспомнил родителей, которые по письмам (а я получал их спустя 1-2 месяца) живут в большой нужде после освобождения территории от немцев. И так стало тоскливо, мучительно больно за бесславный конец, ибо я почему-то был уверен, что погибну. Многие ребята писали предсмертные письма, сообщали родителям завещание. Я же никому ничего не писал, перебрал свои документы: комсомольский билет, красноармейскую книжку, фотографию семьи Ореховых, открытку Ани Кучиной. Все сложил в один пакетик и положил в карман гимнастерки. Проверил, на месте ли смертная капсула, вложил ее в карманчик на брюках и, кажется, немного прикорнул... >

<... Я, всмотревшись, поднялся и перебежкой пробежал несколько метров. Вдруг я почувствовал страшный тупой удар в правую часть груди... И единственное, что помню, что взмахнув руками с поднятой винтовкой, кажется, перекрутился на ногах несколько раз, упал головой в сторону немцев, выпустив винтовку из рук.

Больше я ничего сразу не помню. Спустя какое время очнулся на мгновение. Чувствую, что у меня как будто нет всей части бока, кровь заливает мне горло, попытка повернуться не удалась, а от боли я снова потерял сознание... Приходил я еще раз в сознание и единственное при этом я заметил, это хмурое неприветливое небо и себя холодного... умершего... застывшего... Сколько прошло времени, я не знаю. Но в третий раз я пришел в сознание от постороннего шума,

увидел каких-то людей, пытавшихся вытащить меня из углубления: там, где я упал, была небольшая воронка...

И снова я в забытьи... И когда меня перевязали в медсанбате и я пришел в сознание на короткое время, мне санитары успели рассказать все обстоятельства.

...КП и санитары, наблюдая бой, считали, что я убит и зафиксировали, что мой труп они должны вечером похоронить. Поэтому не предпринимали мер по оказанию мне помощи. Я же с насквозь простреленным разрывной пулей грудью, с непрерывным кровотечением в горло и из раны, пролежал на поле боя на снегу с 4 часов утра до 5-6 часов вечера, т.е. 12-14 часов, истекая кровью.

И вот санитары, вечером придя за мной, чтобы схоронить мой труп, обнаруживают, что во мне теплится жизнь... Они ошеломлены, кладут меня на плащ-палатку и волокут по снегу и кочкам назад к окопам. Я ничего не помню, только один раз, кажется, на секунду пришел в себя и тут же от страшной боли снова впал в забытье. Кровь уже из меня не шла, она вся вытекла... >

<...Оказывается, меня привезли в госпиталь в тот же Днепродзержинск, откуда я всего лишь месяц назад уходил на фронт и где меня провожала моя девочка Аня. Об этом я узнал на второй день и тут же попросил передать семье Ореховых, что я тяжело ранен и лежу в госпитале в школе.

С каким вниманием отнеслись ко мне эти люди! Они тут же пришли ко мне: сначала тетя, затем дядя, потом их дочь, а потом Аня. Они очень часто ко мне ходили, и я всю жизнь буду им благодарен. Это они меня спасли от смерти.

Я пролежал в этом городе примерно до конца февраля и каждый день ко мне кто-нибудь приходил. Они мне приносили еду, конечно, я ничего не мог есть, но картошку жареную, которую они мне приносили я пытался есть, и она мне так понравилась, что я начал даже поправляться... >

Семья Ореховых

<...В июле я окончательно стал поправляться и мы уже стали ходить на морской пляж, правда, нам купаться было нельзя, я еще был забинтован, но уже чувствовалось, что силы во мне прибавляются.

А война еще продолжалась. Фашисты упорно не хотели уходить с нашей территории, но их гнали и гнали. Некоторые из нашего госпиталя снова уходили на фронт, но большинство уходили домой с тяжелым расстройством здоровья и их снимали с воинского учета.

Дошла очередь и до меня, на предварительном совете мне сказали домой. Но мне, честно говоря, уже не хотелось домой, зная, как тяжело живут мои родители. Но, так или иначе, а уезжать надо. И вот 25 августа, т.е. спустя почти 8 месяцев госпитальной жизни, я должен ехать домой... Так в 18 лет я стал инвалидом Отечественной войны II группы... >

...Несколько времени спустя закончилась война 9 мая 1945 года. Победа застала меня уже окрепшим, работающим в колхозном ларьке продавцом.

Так обстояли дела мои с участием в Великой Отечественной войне.

5/IV – 68 г.

Магомед-Расул

О ШАГАХ НАЗАД

За свою относительно продолжительную жизнь мне приходилось писать не только по порыву души, но и по просьбам друзей и знакомых. Хотя и старался всегда быть предельно искренним, нет-нет да приходилось золотить пиллюю. Если учесть, что я наследник кубачинских златокузнецов, которые нередко серебряные изделия приукрашивают позолотой, то меня можно понять и простить. Но на сей раз не решаюсь рисковать – буду говорить без обиняков: честь на волоске висит, а потеряешь, так и канатом не привяжешь.

Меня зацепило обращение к читателю главного редактора журнала «Дагестан» (№3, 2017 г.) Магомеда Бисавалиева под многозначительным названием «Отступить некуда, позади Дагестан». Вполне разделяю озабоченность журналиста тем, как мы стали бездушно относиться к замечательным отцовским обычаям и традициям наших славных предков. Я намеревался отозваться на обращение как-то попозже, когда окажусь более или менее свободным от работы над новой рукописью, но на днях получил четвертый (апрельский) номер журнала, этак, без особой охоты, стал перелистывать его и... не заметил, как зачитался!

Тон зададо интервью главреда с Главой Республики Дагестан. Рамазан Абдулатипов довольно откровенно делится пониманием тех процессов в республике, которые происходят при его личном участии и руководстве. Причем не все ответы на остро поставленные вопросы характеризуют его как руководителя республики с лучшей стороны, но это не смущает Р. Абдулатипова, ибо он совершенно искренен и говорит свою правду, выражает свое понимание вещей. Аварцы говорят: «О кумгане думает

тот, кто держит за ручку, об овечьем стаде заботится тот, кто держит ярыгу».

Журналист спрашивает:

– Как вы относитесь к проблеме отцов и детей? Сравните Ваши отношения со своим отцом и отношения Ваших детей с Вами.

– Конечно же, они отличаются, – отвечает Р. Абдулатипов. – Это другое поколение, другая эпоха и другая культура. Мой отец был очень строгим человеком и для меня прекрасным авторитетом. По мнению моих детей, я тоже, оказывается, строгий, им воли не даю. Я им так говорю: «Слушайте, я в кошмарном сне себе не мог представить, чтобы мой отец со мной играл в карты, как я с вами в «дурака».

Чувствуете, как внимательно относится Абдулатипов к памяти отца, к тому морально-этическому кодексу, по которому сверяли свою жизнь наши предки? Но время изменилось. Изменились и люди. Их психология. Не только нового, молодого поколения, но и старшего. Дело не только в том, что отношения детей к отцу стали более раскованными и свободными, но и в том, что и сам отец изменился. Рамазан Абдулатипов, проигравший в карты сыну, не видит в этом ничего зазорного, тем более – позорного. Более того, он может и гордится, что сын превзошел его. А каково отношение сына к этому случаю? Гордится, что победил отца? Вряд ли! Скорее всего, он относится к этому как к незатейливой игре двух людей, дистанция между которыми уравнилась, но приоритет старшего перед младшим ни на йоту не поколебался.

Представьте теперь молодого Рамазана, оставившего отца в «дураках». Каково было бы ему смотреть в глаза отца, авторитет которого был настолько безупречен и

непоколебим? И как бы чувствовал себя его отец, который не позволял себе ни малейших слабостей перед наследником?!

Чувством ответственности и собственного достоинства наши отцы и деды дорожили во много раз больше, чем мы с вами, дорогие читатели!

Зарядившись положительной энергией от интервью с Абдулатиповым, я приступил к чтению статьи «Кала-Корейш: вперед в прошлое». Мне показалось, что название этой статьи, как и интервью, прямо переключается с «Отступить некуда, позади Дагестан». И не ошибся! Как в этой и других статьях, посвященных Кала-Корейшу («Оцифрованная память», «Ожившие камни», «Магия места», «Хранитель древностей»), так и в статьях «Голая богиня» о историческом прошлом Рутула, «Он постиг тайну красоты» – о известном дагестанском художнике Салавате Салаватове, авторы с большой любовью, а в иных случаях – и с хорошим профессиональным мастерством, пишут об отцовских традициях и обычаях, о которых мы, к большому стыду, стали все чаще забывать, а порою – и демонстративно игнорировать!

Да, журнал и раньше нередко писал о нашем историческом прошлом. Но в этом не было системы, целенаправленности. Ныне тон, заданный журналом, представляется основательным и перспективным. Как бы не сбиться с верного пути!

Выражаю свою солидарность с Бисавалиевым, который пишет: «На мой взгляд, одним из важных факторов полной гармонии среди людей является то, к чему стремились, чего придерживались предки. Как только мы потеряли связь поколений и устои жизни предков, мы потеряли свою самобытность, индивидуальность, национальный колорит и то многое, что делает нас настоящими горцами, дагестанцами, да и мусульманами, хотя мне сложно объяснить отношение ислама к этому вопросу.

Когда родители уделяют детям внимание больше чем положено, из них чаще всего

вырастают существа без роду, племени, нации и религии. ... Для них уход от Дагестана – цивилизация, а сохранение нашего родного, национального, традиционного – отсталость и недоразвитость. Эти люди формируют сегодня культурную повестку республики.

Нужен ли нам такой Дагестан? На это у каждого свой ответ. У вас какой?»

Да, дорогой Магомеда, Дагестан Шамиля и Хаджи-Мурата, Сулеймана Стальского и Ирчи Казака, Расула Гамзатова и Ахмедхана Абу-Бакара, Мурада Кажлаева и Ширвани Чалаева, Мусы Манарова и Магомеда Толбоева и многих других – не тот Дагестан, каким представляют его те, кто судит о нем по нашумевшим громким случаям. Дагестан занимает одно из первых мест в Российской Федерации по количеству спортсме-

нов – чемпионов мира, Европы и страны. Известен своими знаменитыми учеными, художниками, мастерами культуры и искусства.

Но стоит одному обо-

лтусу проехать по вечерней Москве в пьяном угаре или затеять дурацкую драку, как создается мнение о Дагестане как о диком крае, где живут невоспитанные и необузданные люди.

В том, что наши дети ведут себя неадекватно в общественных местах, в большей степени виноваты не они, а мы сами. Скажите, пожалуйста, с какой стати родители покупают своим семнадцати-восемнадцатилетним детям дорожные машины? Чем они заслужили это, каким трудом? За неблагоприятные поступки родители не отчитывают их, а заступаются, пользуясь своим служебным или материальным положением, чтобы заслуженное наказание и легкой тенью не коснулось их дорогого чада! Было бы совершенно справедливо, если бы общество вместе с такими детьми наказывало и их родителей. А по мне – родителей раньше, чем детей!

Мы много знаем, много говорим о культуре поведения, но по сути дела наши знания текут сами по себе, а поступки происходят в отрыве от них. Наши предки были

В том, что наши дети ведут себя неадекватно в общественных местах, в большей степени виноваты не они, а мы сами

не так образованы, как мы, они не имели ни компьютеров, ни мобильных. И на луну не летали. Но культура их поведения была во много раз выше нашей. В любых ситуациях они умели вести себя, как это подобает настоящим горцам.

Сошлюсь на повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат».

Хаджи-Мурат, в силу сложившихся семейных обстоятельств оказавшись в стане врагов, ни одним словом или поступком не бросил тень на горцев, которых вынужден был покинуть и против которых собирался воевать. Всей своей культурой поведения он вызывает чувство

удивления и уважения не только у рядовых русских солдат, поставленных к нему, но и у главнокомандую-

щего и у его жены – людей весьма далеких от него как по менталитету, так и по мировоззрению. Когда спросили, понравилось ли ему на балу у главнокомандующего, Хаджи-Мурат нахмурился и сказал:

– У каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются, – сказал он, взглянув на Марию Дмитриевну.

– Что же ему не понравилось?

– У нас пословица есть, – сказал он переводчику, – угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались. – Он улыбнулся. – Всякому народу свой обычай хорош....

А ведь и Хаджи-Мурат, говоря словами Абдулатипова, и в кошмарном сне не мог представить себе, что окажется среди участников бала, где наряженные и напомаженные женщины в декольте и с открытыми плечами танцуют в обнимку с мужчинами! Помня о целомудренных горянках, с головы до ног окутанных скромным одеянием, ему бы возмутиться, но он был слишком воспитан для этого, как сказали бы сейчас – толерантен.

Почему бы родителям как можно чаще не возвращаться к нашему историческому прошлому и не учить своих детей этой толерантности на бесчисленных примерах выдающихся предков?!

Не разделяю точку зрения тех, кто говорит: «Люди зачерствели и сделались злыми, молодежь – наркоманами и «лесными братьями» из-за того, что плохо стали жить». Скажите на милость, когда и в какие годы мы жили лучше и комфортнее? Когда было столько небоскребов, автомашин, ресторанов и кафе, домов отдыха и ночных клубов? Когда столько людей регулярно проводило свой отпуск в зарубежных поездках?

Ну и как? Люди стали лучше? Добропорядочней? Великодушней?

Да нет! Отгородились друг от друга каменными стенами и железными решетками!

Однако никакие ограждения не спасают от грабежей и похищений, от издевательств друг над другом и братоубийств...

Осмелюсь утверждать, все беды наши происходят от плохого воспитания, а еще вернее – от отсутствия воспитания в исконном смысле понимания этого слова. Одни родители, занимаясь день и ночь работой, воспитание детей возлагают на нянь; другие – на детские сады, где с двадцатью-тридцатью крохами занимается одна воспитательница, и та – нередко, к большому сожалению, человек с неудавшейся судьбой, сама лишенная человеческого тепла; третьи полагаются на школу... В результате дети не получают отпущенного им природой материнского тепла и отцовского внимания, а общество получает неполноценных людей, которых и гражданами назвать грех. Правы лакцы, когда говорят: «За деньги все купишь, кроме отца с матерью».

Если мы стремимся к идеальному обществу с достойными гражданами, детей нужно воспитывать в семьях не со дня рождения, а еще до зачатия: ни одна мысль – хорошая или плохая – не исчезает бесследно!

Еще Марк Твен говорил: «Хорошее воспитание – это умение скрывать, как много думаем мы о себе и как мало о других».

Мы разучились думать о других!

Диоген сетовал, что люди соревнуются, кто кого толкнет пинком в канаву, но не соревнуются в искусстве быть прекрасным и добрым; музыканты ладят струны на лире,

«... плохо стали жить». Скажите на милость, когда и в какие годы мы жили лучше и комфортнее?

но не могут сладить с собственным нравом; астрономы следят за Солнцем и Луной, но не видят того, что у них под ногами; педагоги учат правильно говорить, но не учат правильно поступать...

У нас, к большому сожалению, только гражданские суды учат правильно посту-

пать. Между тем за время своего существования человечество выработало немало общественных мер наказания, сила воздействия которых намного выше. Это общественные суды, которые, в результате нашей автоматически растущей безответственности перед другими, канули в лету.

Аксакал дагестанской исторической науки Расул Магомедович Магомедов писал в замечательной книге «Обычаи и традиции народов Дагестана»: «В знаменитом ауле Кубачи, где трудятся всемирно известные мастера-златокузнецы, за последние сорок пять лет был только один случай кражи. Пропал ковер в мечети. Происшествие это было необычное для Кубачей. Когда провели расследование, оказалось, что ковер украл их же сельчанин. Возмущенные люди собрались на сход и единодушно потребовали наказать вора по старинному обычаю. Посадили его на осла лицом к хвосту и водили по аулу».

Я сам из аула Кубачи. Поэтому помню, как рассказывали об этом старейшины аула. И знаете, что говорили, когда водили по аулу вора? «Эй-й, дорогие сельчане! Стар и млад! Вы, наверное, еще никогда не видели вора-кубачинца: спешите посмотреть на этого последнего человека!»

На другой день не только вор, но и вся его семья исчезла из аула. С тех пор в Кубачи кража, какая бы она ни была (большая или маленькая) считается грехом, позорящим честь и достоинство не только провинившегося, но и всей семьи и рода его.

А что говорят сегодня? «Ну и что ж тут такого? С кем не бывает...»

Чужая боль – нас не касается...

«Горе соседа, что дождь на крышу».

Мы становимся равнодушными к тому, что происходит рядом с нами и вокруг нас. Вот так погружаемся в свой эгоистический мир и превращаемся в одиночников и мизантропов.

Что может спасти нас?

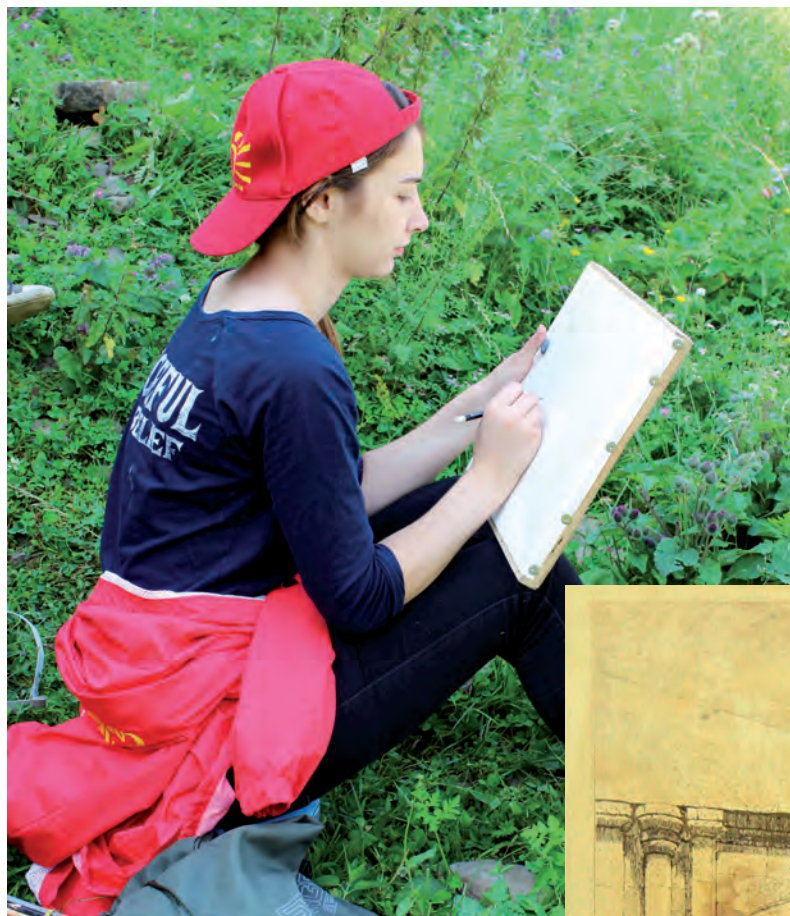
Продуманные шаги назад к морально-этическим, культурно-историческим и гражданским обычаям и традициям наших славных отцов и дедов!

Вассалам-вакалам!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧОХ

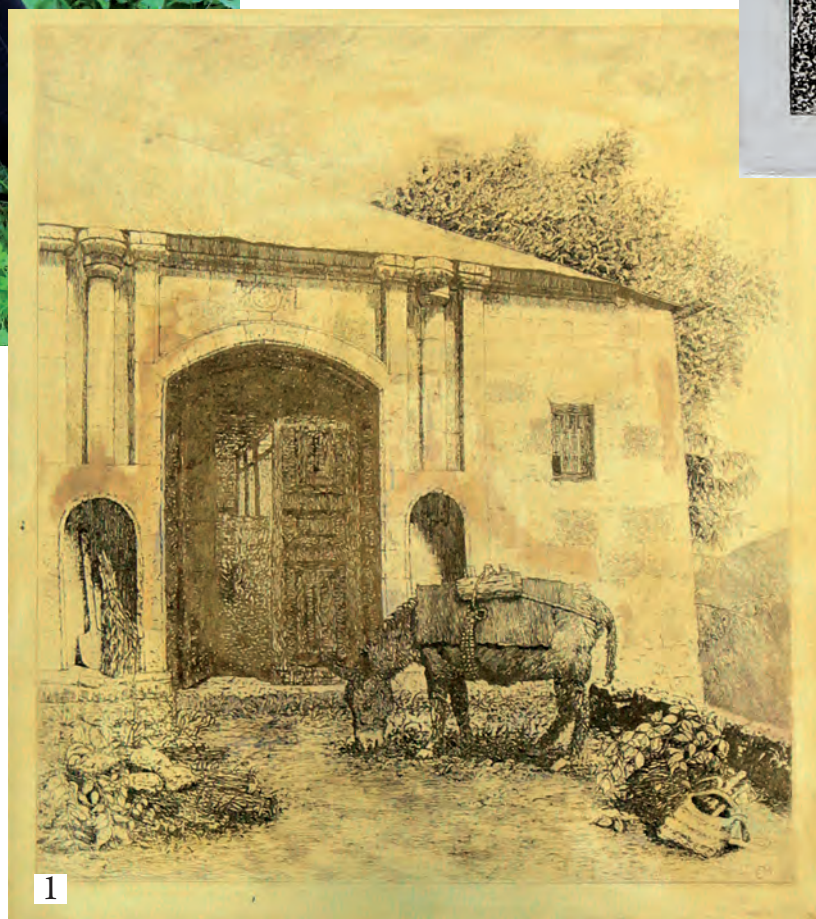
Новая рубрика нашего журнала посвящена природе, архитектуре и быту Дагестана. Но расскажут об этом не фотографии, а рисунки молодых дагестанских художников – выпускников и студентов отделения графики художественно-графического факультета ДГПУ, сделанные ими во время поездок в горы, на пленэре. Отсюда и название.

которые художник спешит зафиксировать.

Кажется символичным, что рубрика открывается серией рисунков и офортов Этери Мусаевой «Чох». Ведь именно здесь родился первый профессиональный дагестанский художник Халилбек Мусаясул, для которого на протяжении всей жизни, полной драматических моментов (Первая Мировая война, революция 1917-го, Гражданская война, эмиграция,

Мы намеренно не используем в проекте живописные работы, потому что, на наш взгляд, именно отсутствие цвета и четкость линий позволяют сосредоточиться на главном, передать ту удивительную гармонию, глубокую связь человека и природы, которая все еще присутствует в жизни горцев. А некая незавершенность работ как нельзя лучше отражает непосредственность впечатлений и свежесть восприятия, искреннее восхищение местами, которые удалось посетить, и

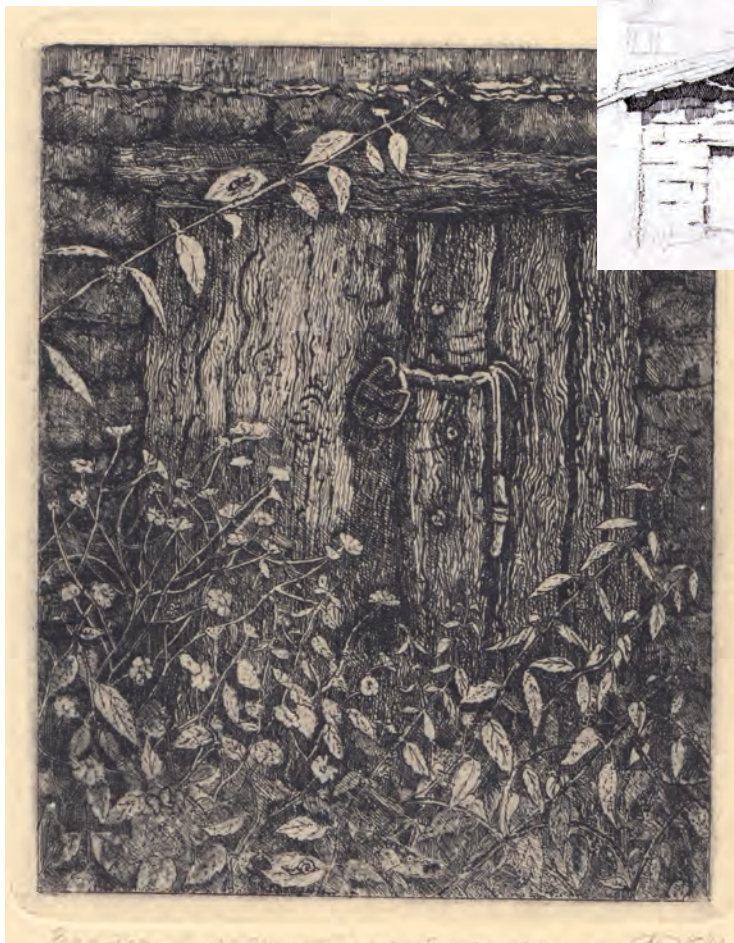
Вторая Мировая и т.д.) родное село было центром мироздания. Удивительно, но, хотя изобразительное искусство давно уже не считается в Дагестане кошунственным занятием, и в Чох съезжались на пленэр художники со всего Советского Союза, понадобилось сто лет, прежде чем в селе появилась первая профессиональная художница. Этери Мусаева приходится знаменитому мастеру дальней родственницей. Видимо, тяга к творчеству, безупречное чувство стиля и упорство, необходимое для того, чтобы стать настоящим художником, в крови у представителей этого рода.

На одном из рисунков мы видим старинную рассохшуюся деревянную дверь с витым медным кольцом (5), которое традиционно служило и дверным молотком, и ручкой. Как пояснила автор, в начале XX века в селе жил кузнец, чьи работы были очень популярны.

В частности, сохранилось несколько дверных колец, ни одно из которых не повторяется, и которые продолжают восхищать своей простотой и изысканностью одновременно. Через эту символическую дверь мы вслед за художником войдем в старую часть села и прогуляемся по его узким улочкам. Вот изящная аркада (4) открытой веранды, подобной той, что

была в доме Мусаясула и снилась ему всю жизнь. Вот часть резного карниза, а вот дверь сарая – строение почти ушло в землю, у двери разросся бурьян, но замок все также надежен и цепь крепка. Архитектура Чоха во многом отличается от традиционной горской архитектуры: на одном из рисунков мы видим дворик знаменитого дома Нахибашевых (3), построенного по проекту итальянского зодчего. Сегодня он заброшен, но, словно, не желая с этим мириться, художник «оживляет» его: во дворе развешено свежестыранное белье, и кошка бродит вокруг кувшина, в ожидании момента, когда можно будет подобраться к его содержимому. В серии запечатлен и родовой дом самой художницы (1), где, по ее признанию

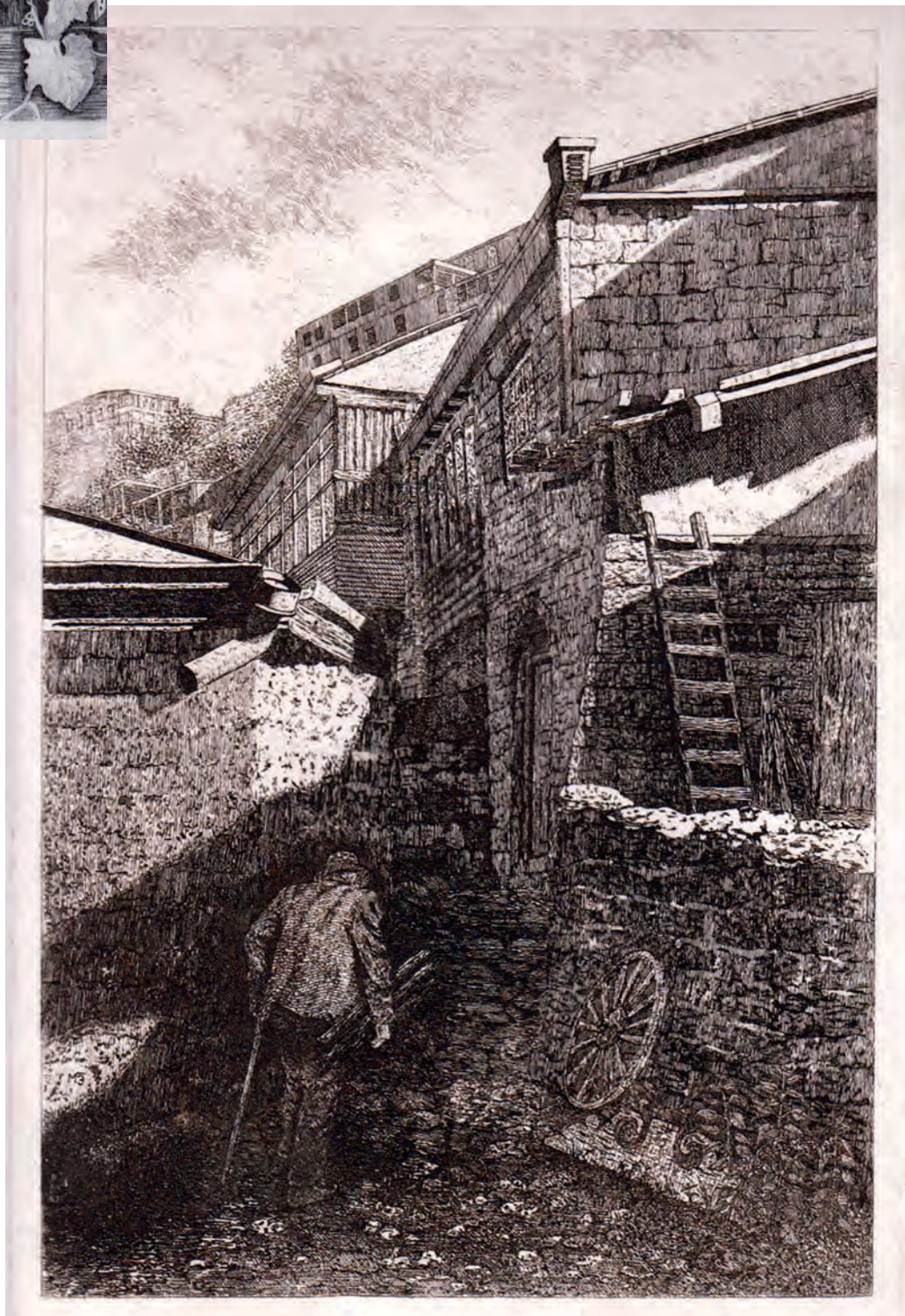
а «хозяйская» часть уже несколько десятилетий закрыта и заброшена.

Серия проникнута романтически-ностальгическим настроением с налетом тихой грусти по тому времени, когда Чох переживал расцвет. Но автор верит в возможность возрождения, это становится понятно, если взглянуть на великолепную панораму села (2). Ее Чох словно бы устремляется в небо – высокое и чистое.

Текст Влады Бесараб

прошли счастливые дни ее детства, и куда она с удовольствием возвращается сейчас вместе со своими коллегами по мастерской. Точнее, это лишь часть большого дома, построенного во второй половине XIX в. офицером царской армии, которую выкупил дед художницы. По рассказам, в этой половине жили многочисленные слуги,

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА С ДУДОЧКОЙ

Человек – немного амеба. Ему хочется делиться. Прочтешь хорошую книгу – страстно хочется подсунуть ее друзьям. Посмотришь четкий фильм – та же история. Съездишь в отпуск в необыкновенные места – пристаешь ко всем, чтобы немедленно собирались и, не помышляя о банальной Анталье, ехали именно туда, где был ты.

Восхищение, разделенное с кем-то еще, делается больше. Это точно. Проверено лично. И поэтому мы иногда приглашаем вас в такие гости, куда сами вы никогда не попадете. В мастерские художников, скульпторов и ювелиров, в актерские гримерки, в рабочие кабинеты музыкантов, композиторов и ученых. Все они люди известные, поэтому не станем подробно перечислять регалии и даже не заикнемся о «творческом пути». Просто покажем, где они обитают и какими себя окружают предметами.

Кто не знает, что Супьянов играет на флейтах, свирелях и дудочках, тот никогда с ним толком не общался. Даже на открытиях выставок, где ему как корифею и прочему мастодонту предоставляют слово, он вместо прочувствованной речи может взять, да и наиграть что-нибудь. Говорит, что восстанавливает дыхание и успокаивается таким образом, что это обыкновенные вдох и выдох, но слушателям

кажется, что тут что-то непременно медитативное, а то и – бери выше – сакральное! Ну и неудивительно, что в мастерской их, этих дудочек, 27 штук. Хотя сам Ибрагим считает, что они уже свое отыграли. Да и вообще... «Я постоянно освобождаю мастерскую. Даже холсты стараюсь убирать куда-нибудь или отворачивать. Кому интересно, могут взглянуть на фотографии и что-нибудь для себя подобрать. Вещи насаждают, накапливаются, нависают над тобой и становится трудно дышать. Мне мой приятель, художник Кононенко, подарил как-то такую вот круглую железную коробку для киноплёнки. Универсальная вещь. В ней он хранил тряпку, уголь, карандаши и небольшую папку для работ. С ней и приехал из Новосибирска. Много ли художнику надо, на самом-то деле?» Но пока, видимо, Супьянову не хватает решимости избавиться от «лишнего». От фотографий на стене, где портрет матери, стариков, лица друзей, да и Лермонтов там же среди них. На равных с ученым Абу-Супьяном Акаевым. От балхарских игрушек, среди которых приютились три, мал мала меньше, карпатские свистульки из глины. От книг, про которые Супьянов говорит: «Здесь у меня – свои. Вот на этих книжных полках Борхес, Кортасар, Харуки Мураками, Достоевский. А сейчас для меня главнейший – Эмиль Сиоран. Книга его «Искушение существованием». Он такой... несет что-то такое вредительское, а может, переворачивает все привычные представления и расставляет все по местам. То ли костоправ, то ли костолом, сразу и не разберешь. Давайте я вам зачитаю несколько фрагментов:

«Всякий талантливый человек заслуживает сострадания. Что еще извлечет живописец из своих красок? Как пробудить поэту утомленные и сонные слова? А что говорить о перспективах музыканта в мире, где уже придуманы все, какие только возможно, сочетания звуков? Глубоко несчастные, они оказались в тупике. Мы должны окружить их дополнительной заботой, не оскорблять их, замечая их растерянность, чтобы они позабыли о безысходности своего искусства и о своем уделе обездоленных... Художник никогда не отдыхает, ему постоянно приходится поддерживать свое душевное смятение, расточать свои силы, ковать свое счастье и свое несчастье – словом, творить. А вот мудрец не ввязывается ни в какое творчество, радуется собственному бесплодию, накапливая энергию и почти не расходуя ее... Творчество вырастает из жажды саморазрушения и осуществляется в ущерб жизни. Мудрецу подобные импульсы чужды, или же он их подавляет. Величайшая его амбиция сводится к тому, чтобы исчезнуть, не оставив после себя никаких следов».

* * *

«Есть среди этих дудочек одна с историей. Мне ее в 83-м году в Праге подарили. Мы с приятелем, режиссером из Якутии, сидели на мосту, он играл на варгане, а я дудел. Для собственного удовольствия. Было уже темно, но как-то люди подошли, собрались вокруг, деньги принялись кидать. Мы сначала пытались возвращать деньги, а они обижались. Получается, что заработали таким образом. Небольшие деньги, но достаточные для обеда. Там же, в толпе, оказались музыканты из какой-то группы, они и подарили эту дудочку. А потом звали в ресторан и уже там попросили снова сыграть. Так

нас оттуда выставили! Раз предупредили, два, а потом указали на дверь. Не понравилось им, видимо, как я играю. Огорчился я немного, а потом пошел к маленькому санаторию. Там, как утверждали, отдыхал в то время Расул Гамзатов. Расула я, правда, не застал. Сел прямо в лесу и заиграл на подаренной дудке. Вот там, в лесу, она и зазвучала по-настоящему».

* * *

«У этой фотографии непростая история. Вот тот молодой парень в верхнем ряду – он впоследствии стал мужем моей тети – как-то скакал по аулу верхом. И сбил старика. Насмерть. Тогда нравы были суровые, и за это его из селения выслали. А его опекуном был вот этот человек. Настоящим опекуном, и куда бы ни ездил, брал его с собой. На этом снимке они оба рядом с шейхом из Эрпели и его мюридами. А рядом стоит фотография моего отца».

* * *

«Разрушается дом бабушки в Карнае. Он был как крепость, старый, каменный. И я забрал со двора все, что нашел: подковы, ножницы, лопаточку для теста. Повесил здесь, не потому что мода сейчас такая, а просто это родные вещи. Нашей семьи. На этом вот деревянном подносе с трещинкой мать подавала на стол хинкал, я хорошо помню. На середину ставили пилу с подливой, а вокруг паром исходило мясо».

* * *

«Кубики? Так это внук Ибрагим к приезду своей мамы, моей дочери Джавгарат, постарался. Сам распиливал и расписывал – смотрите, ежик какой удивительный, велосипед, чья-то рожица, – хотя и не рисует. Не любит он этого. Зато у него есть специальная табуретка, в которую он гвозди забивает, петли забивает, ломает ее, пилит по-всякому и получается удивительная инсталляция».

Текст: Светлана Анохина

Светлана Анохина

«ПОНАЕХАВШАЯ» КАК СОСТОЯНИЕ ДУШИ

«У каждого человека свой рай, откуда однажды, не справившись с бременем истины, он сбегает. Мой рай там, где на приветствие отвечают «твое „здравствуй“ принадлежит Богу», где, поторапливая, напоминают «у дня не осталось времени для вдоха».

С Наринэ Абгарян можно говорить обо всем на свете, она такая, что поймет. И с ней хочется говорить обо всем на свете. О нежности, которая плавит тебя, как масло, о холодной хирургической красоте предательства, о любви, которой захлебываешься, если ее некому отдать, о родовой памяти и о правильном приготовлении долма. Это бы получилась целая книга, очень глубокая и смешная книга. Но мы решили сузить тему и поговорить о том, как живет писателю с условных «национальных окраин» и есть ли у него шанс получить признание российского читателя.

– Вот о чем хотела спросить, Наранджан... Те времена, когда у каждой приличной московской и питерской семьи был в друзьях прекрасный щедрый экзотический красавец-кавказец – прошли. Герой Джигарханяна, готовящий шашлык на балконе московской многоэтажки и Мимино с его «Ларису Ивановну хочу» уже ни восторга, ни размягченности сердечной у большинства россиян не вызывают. Как ты, армянка из маленького Берда чувствуешь себя в Москве и в столичной писательской тусовке?

– Про первое столкновение с Москвой я частично уже рассказывала в «Понаехавшей». А спустя время поняла, что очень удачно выбрала название, я и есть – понаехавшая по жизни. Можно сказать, это мое состояние души. Вот мой сын родился и вырос в Москве, он тут в знакомой, привычной, среде. Меня же город довольно быстро при-

нял, я не оставила ему шансов, и я большую часть жизни уже прожила тут, но при этом я чувствую себя не слишком уверенной, будто бы явилась не ко времени, говорю не к месту, неуклюжа, как слон в посудной лавке. И книги мои – они же по большому счету родились из тоски, если бы я осталась в Берде, то, наверное, не написала бы ни одной.

– Набоковская неутолимая тоска по утраченному раю?

– Когда я уезжала из Армении, там шла война. Так что раем в чистом виде это трудно назвать, но если говорить еще и о детстве, о том, что тебя формирует, то все правильно. Меня с Арменией связывает такая крепкая пуповина, что без нее, наверное, не было бы и меня самой. Когда я заканчиваю очередную книгу – еду в Берд.

– Подпитываться...

– Да. Шагаю в горы, сижу на вершине, дышу. И напряжение, которое не отпускало все время, пока работаешь над книгой, понемногу уходит. Будто только что была, как сжатый кулак и вот, наконец, разжимаются затекшие побелевшие пальцы. В Берде нет места суете большого города, да и в Москве я все время держу свое детство в голове, так стрессы мегаполиса переживаются менее болезненно. И у ваших молодых дагестанских авторов есть то же преимущество, то же убежище, что и у меня – детство, прописанное в маленьком городке или селе, где по-другому пахнет трава, где вода иного вкуса, иного состава воздух и иная речь. Если ты открыт, если не выстраиваешь свою личность на

противопоставлении «чужим», то такие воспоминания будут спасительными, они поддержат и напитают. А если высокомерен (а высокомерие представителей «малых этносов», оно же рука об руку с осознанием собственной ущербности идет), то и убежище свое отравишь, превратишь в хранилище обид.

– У нас в Дагестане до сих пор не смокают споры по поводу текстов Алисы Ганиевой. Многие считают ее предательницей, очернительницей, высмеивающей родину на потребу ксенофобам, потому что, якобы, тексты другой тоналности не продадутся. Но ты пишешь о Берде и Маране так, что хочется прижать их к сердцу, и ими лечиться. И при этом тоже умудряешься...

– ...издаваться и получать престижные российские премии, да? Значит, все же премии и прочее разное не кавказофобы и не за ненависть дают. Тут все же другой механизм работает и придется вашим пересмотреть свою позицию. Мне с моими земляками повезло больше, чем Алисе. Не припомню даже, чтобы кто-то меня упрекал, что пишу на русском. По крайней мере, я не видела ни одного отрицательного отзыва, ни одного упрека за то, что выбрала именно этот язык. У меня была попытка написать на родном языке, в конце концов, я оканчивала армянскую школу. Но, увы, ничего не вышло. Смешно, но в отношении языка я, кажется, тоже понаехавшая. Я классический билингв: с детства говорю и на армянском, и на русском. И они как-то удивительно переплелись в моей голове. Иногда скажу что-то, а потом пригляжусь и понимаю – это даже не перевод, это подстрочник! Но и в этом есть свои преимущества, внимательнее и бережнее относишься к слову, оно меньше затирается.

– Это ты про хорошее и умиротворяющее, а я все ищу конфликты. И желательно на нацпочве. Тебе не приходилось слышать, что, мол, с чего это какая-то армянская понаехавшая, да еще

и с книжками про непонятный Берд, где все нерусское – вытаптывает лужайку российской словесности?

– Об этом я судить не могу, потому что стараюсь не читать рецензий на мои книги. Не потому, что боюсь критики, а из уверенности, что автор должен писать так, как считает нужным, не прислушиваясь или подлаживаясь под мнение других. Наверное, мне помогло то, что я не планировала стать писателем. Ты же знаешь, да и в Понаехавшей я писала, что пять первых лет в Москве проработала бухгалтером и сумела стать самым бестолковым бухгалтером столицы. И моя «карьера» началась с постов в ЖЖ, куда я сбегала от бухгалтерии. Потому писала, как хотелось, не думая ни о критиках, ни о языке. К тому же для писателя язык не имеет национальности. Это средство и возможность выразить своё внутреннее состояние. Так уж получилось, что мне проще писать на русском. И я не вижу ничего необычного в том, что реалии армянского городка описаны на этом языке.

– Помнишь историю с Диной Рубиной и Тотальным диктантом? Там сначала Ульяна Скойбеда отличилась, а после еще и Союз писателей России высказался в том же духе. Ты как к этому относишься

– Ты про колонку «Почему русскому

языку нас учит гражданин Израиля Дина Рубина?»? Отношусь к этому с чувством недоумения – сколько всё-таки в мире идиотов. Однажды, лет пять

назад, я была на встрече с Мариам Петросян, автором «Дома, в котором», одного из лучших современных русских романов. Кто-то из читательниц допытывалась у Мариам, откуда она так замечательно владеет русским языком, ведь она армянка. Мариам не была готова к такому дурацкому вопросу, она растерялась, ответила, что все мы родом из советского детства, потому наравне с родным языком владеем и русским. Но читательница не унималась – я всё понимаю, но как может армянка (!) владеть русским (!) на таком высоком (!) уровне? Мариам развела руками.

Значит, все же премии и прочее разное не кавказофобы и не за ненависть дают. Тут все же другой механизм работает

Я бы тоже развела руками. Ну что можно на такое ответить? «Лечите голову?» Лучше, конечно, промолчать.

Мне с таким сталкиваться, слава Богу, не приходилось. Однажды кто-то смешно обозвал меня «русским писателем армянского происхождения». Коряво, но суть передана правильно. Я российский писатель, потому что пишу на русском. И я армянка по крови, всё верно. У меня нет проблем с самоидентификацией. Когда меня спрашивают, кем я себя ощущаю, я всегда отвечаю: я мать, дочь, любимая женщина, сестра, друг. И только потом – автор книг. Моё писательство не имеет ко мне никакого отношения, как, впрочем, и дар, которым меня временно наделили. Я бесконечно счастлива возможности заниматься любимым делом, и буду писать, пока пишется. А потом, когда придёт время, когда закончатся слова, я прекращу это делать.

– **Переведены ли твои книжки на армянский?**

– Целых две. «С неба упали три яблока» и «Манюня». Обе книги выходят этим летом. Мне особенно понравилась «Манюня». Дело в том, что её переводила моя землячка Нарине Гижларян, которая, как и я, родилась и выросла в Берде. Она придумала замечательный ход: второстепенные персонажи говорят на нашем смешном бердском диалекте. Я читала и хохотала в голос, хотя, конечно, это запредельный дебилизм смеяться над собственными текстами, но она нашла особые фишки. Жаль, что на русском эти нюансы теряются.

– **Часто писателей упрекают в эксплуатации «национальной темы». Дескать, понапишут в текст вместо Маринок, Петек и Ильюш своих Суренов, Магомедов и Патимат, приправят парой слов на чужом языке и впаривают доверчивому русскоязычному читателю. А тот ведётся на экзотизмы и не видит, что книжка пустая и никчемная.**

– Если книжка пустая и плохая, никакими Суренчиками и Маринками её не спасёшь. Всё до банального просто: литература бывает или хорошей, или плохой. Возьмите слабенькую рукопись и распишите её вдоль

и поперёк Урсулами, Ребекками и множеством разных Аурелиано. И попробуйте получить из неё «Сто лет одиночества». Я понимаю, что можно придаться к вкраплениям «армянского русского», к тем чудесным искажениям языка, что встречаются на вывесках: «арматурчик», «жестанчик», и мое любимое — «стерлец» (в смысле стерлядь). Но это же не специальный прием, это обязательная часть реальности, как и белье, которое хорошие армянские хозяйки обязаны вывешивать для просушки в строго установленном порядке.

– **А еда? А еда, пряная, непривычная, расписанная так, что прямо хочется немедленно ехать и есть, это любовное перебирание всего, что связано с детством и домом или одна из несущих конструкций в тексте?**

– Скорее ни то и ни другое, у меня много разных бытовых мелочей. Думаю, это из детства – я была очень созерцательным ребёнком, могла часами наблюдать, как бабушка печёт хлеб или как прабабушка варит кчакаш – простой деревенский обед из бобовых. Ну, и было бы странно описывать жизнь крохотной армянской деревни и обойти стороной её кухню. Упреждая твой вопрос, скажу, что не боюсь застрять в «национальной теме», я и так навсегда осталась в семидесятых, в родном своём крохотном городке, в детстве, которое меня не отпускает. Я обитаю там и мне нечего бояться.

– Но ты делаешь смелые вылазки! Если в «Людях, которые всегда со мной» и в «С неба упали три яблока» ты подчеркнута целомудренна, то в «Зулали» появляется тема секса. Насколько она возможна в армянской литературе? Язык тут в помощь или наоборот? У наших аварцев, к примеру, нет нейтральных слов для обозначения физической стороны любви. Какое ни возьми, будет звучать грубо.

– Тема секса возможна в любой литературе и на любом языке. Тем более на самодостаточном и очень богатом армянском. Для меня это был опыт, не скажу, что простой. Я не была уверена, что справилась, пока писала, а потом вычитывала, все было вполне пристойно. А когда книга уже вышла, то мне показалось, что три эротических эпизода на одну повесть

– это многовато. Но ужасно рассмешила реакция некоторых возмущенных читателей: они писали,

что ТАКОГО от меня никак не ожидали. Не знаю уж, какой они меня себе представляли, но я считала и считаю, что в литературе, да и вообще в искусстве, не должно быть табуированных тем.

– В твоих книгах все чаще и сильнее звучит тема геноцида. Это очень понятно, но тут есть ловушка для писателя, риск, что каждый новый текст будет превращен в декларацию, в постоянное напоминание о страдании.

– Геноцид – часть прошлого моего народа, почти каждой армянской семьи, и, хочешь ты того или нет, обойти такую тяжёлую тему стороной не получается. Папа рассказывал о своей прабабушке Шаракан. Во время резни был убит ее сын, ей самой проломили голову, и она прожила всю свою жизнь, ни у одних родственников не задерживаясь надолго, думала, что так спасется от погрома. Одного моего прадеда убили в Кировобаде, второго в Баку спас турок. А в 1988 в том же Кировобаде две дочки и сын моего дяди спаслись только благодаря соседям-азербайджанцам. Они прятали детей, рискуя своей жизнью. Но

я из тех людей, которые резко против культивирования горя и превращения его в национальную идею. Потому не думаю, что в других своих книгах я вернусь к теме геноцида. У меня она своё уже отзвучала. Но есть другие вещи, есть война, есть землетрясение, разрушившее армянские города и я о многом не напишу никогда, потому что болит до сих пор. Но эта боль, она не отменяет радости. Мой дед говорил – армяне выжили, потому что они умели смеяться сквозь слезы. Я недавно была в Арцахе (так на армянском называют Карабах), так ко мне на улице подходили люди и просили писать о них не только грустное. Ведь Арцах это не только война, это и радость, и смех, и свадьбы, и рождение детей.

– А теперь про то, чем я страшно горжусь. Про историю, которая была записана в Дербенте и пригодилась тебе для нового сборника.

– Нужно пояснить, что речь идёт о рассказе из

нового сборника о войне, которую застала я. Это 90-е, тяжелейший военный конфликт между Арменией и Азербайджаном, который, увы, не закончился по сей день. Город там указан вскользь, мазками, фоном, потому не думаю, что могут быть какие-то несостыковки. Но мне важно было перенести действие туда хотя бы потому, что событие, которое описывается в рассказе, случилось именно в Дербенте, и отрывать его от почвы было бы неправильным. И спасибо тебе большое, что ты мне эту историю рассказала. Знаешь, я взрослою и становлюсь страшным консерватором и антиглобалистом. Мне кажется, мы оторвались от корней и разом будто бы перечеркнули все, что создавалось, нарабатывалось предыдущими поколениями. Вот те же колоритные яркие персонажи, как наши бердские старики, как мои бабушки – они же практически исчезли. И для меня это большая потеря. Иногда мне хочется закрыть границы, чтобы каждый сидел у себя дома, впитывал свой язык и, вспоминая свою историю, возвращался к своим культурным корням, традициям. Возвращался к себе.

Мне кажется, мы оторвались от корней и разом будто бы перечеркнули все, что создавалось, нарабатывалось предыдущими поколениями.

Влада БЕСАРАБ

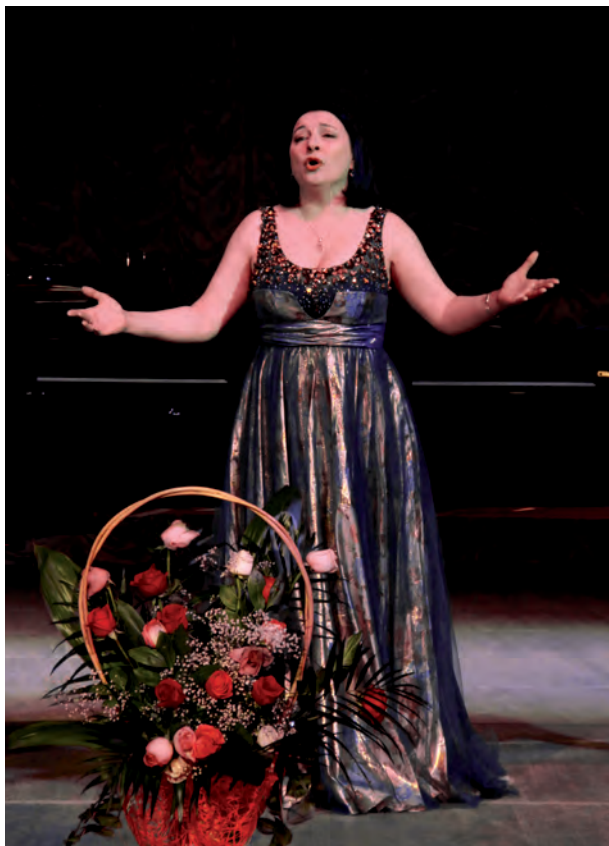
О музыке, о театре, о смешном и грустном в жизни и в искусстве рассказала нашему журналу солистка Дагестанской государственной филармонии и Дагестанского театра оперы и балета, народная артистка республики Светлана Мусаева.

ГОЛОС ДАЕТСЯ ТОМУ, В КОМ ЕСТЬ КУРАЖ

– Сейчас по телевидению просто бум музыкальных конкурсов – они на каждом канале и не по одному. Среди этих эстрадных шоу особняком стоит проект телеканала «Культура» – «Большая опера». Как его воспринимают профессионалы, в частности, Вы – как шоу или как профессиональный конкурс? Что он может дать артисту? В Дагестане есть вокалисты, которые могли бы участвовать в этом проекте?

– Конечно, это шоу, но высокопрофессиональное шоу. И артистам этот конкурс нужен. Например, победительница первого сезона Вероника Джиева – сегодня настоящая звезда мировой оперной сцены. Я уверена, что она и без этого конкурса добилась бы успеха, поскольку очень талантлива, но этот процесс занял бы много времени, а благодаря «Большой опере» ее сразу заметили. Что касается дагестанских ребят, то у нас есть молодые певцы, способные выступить и в «Большой опере», и в любом другом профессиональном конкурсе. Иной раз просто диву даешься – приходит человек с улицы, и такое

выдает, такой голос и артистические данные имеет! Плохо то, что, к сожалению, у нас исторически сложилось, что профессия артиста, певца обществом не поощряется.

Это не престижно. Особенно тяжело мужчинам – находиться на сцене считается недостойным настоящего горца. В последние годы усилилась роль религии. Многие в открытую говорят, что музыка – это «харам». С чего вдруг такое отношение? Ведь музыка, как и искусство вообще, выражает лучшие человеческие стремления, облагораживает людей, лечит душу. А харам это или не харам – не нам судить.

– Вы получали образование в 90-е, в филармонию пришли в 1995, окончив Институт искусств в Нальчике. Тогда обществу тоже было не до музыки, не до высоких материй, люди пытались элементарно выжить, а самые удачливые – нажиться. Те дети, которые приходили учиться музыке тогда и те, кто приходит сейчас – они изменились? Само отношение родителей к тому, что ребенок выбирает для себя этот путь – оно изменилось?

– Все совершенно другое! В 90-е резко поменялась жизнь, но мы-то остались такими, какими нас воспитали. Когда мы росли, в нас по телевидению, по радио буквально вливалась классическая музыка. Образец звучания, идеал звука был, что называется, на слуху! Когда по ТВ две программы, ты волей-неволей будешь знать все балеты и оперы, которые по ним крутят! Академическая культура насаждалась чуть ли не с детского сада, так же, как и культура чтения. И это давало свои плоды. Сейчас многие приходят поступать на вокальное отделение Махачкалинского музыкального училища, мечтая о карьере популярного певца. И они не понимают, чего мы тут от них хотим, чего добиваемся. Постепенно, в процессе обучения, приходит осознание, что петь можно не только эстрадные песни. Нередко возникает ситуация, когда ребенок увлеченно учится, у него начинается что-то получаться, он уже на пути к своей цели, и намерен после училища получать высшее музыкальное образование, но родители говорят: «Ты пой, учись, но надо еще занять профессию». То есть, профессия артиста, музыканта, опять же, считается несерьезным делом, развлечением.

– **И что же делать?**

– Поднимать престиж профессии! Разговаривать с родителями, убеждать их, что это не самая худшая форма деятельности. Что, запрещая талантливому ребенку петь или рисовать, навязывая ему иную, «серьезную» профессию, лишая возможности

заниматься любимым делом, они в итоге сделают его глубоко несчастным человеком. Я знаю немало примеров, когда взрослые люди, лет за 30, а то и больше, приходят ко мне учиться петь, потому что не петь они не могут! Пусть уже не на сцене, пусть только для себя и своих близких, но они хотят реализоваться в этой области. Потому что дар дается свыше, это богом заложено, а значит, обязательно вырвется наружу, как ты его ни подавляй. Я не знаю, как со способностями в других областях, но мой опыт показывает, что голос дается лишь тому, в ком есть харизма, темперамент, кураж. То есть, людям ярким, с лидерскими качествами.

– **Проекты министерства культуры «Я музыкант», «Творческий десант», «Культура детям Дагестана» – они нужны? Вы в них участвуете? Вы верите в чудо, что кто-то из сельских ребят вдруг проникнется происходящим на сцене и всерьез захочет заниматься музыкой?**

– Они не просто нужны, они необходимы! Тут я полностью согласна с руководством республики, что надо развивать культуру, как национальную, так и академическую. Будучи солисткой филармонии, артисткой театра, я, конечно, в этих проектах участвую. И в чудо верю, потому что такое чудо было со мной. В 8-м классе у нас было какое-то комсомольское мероприятие и приехали артисты филармонии. Я тогда впервые услышала академическую певицу живьем. Не помню, что она пела, отрывки из арий или романсы. Но это было совсем не так,

как по телевизору или радио, и моей первой реакцией был смех. Я хохотала, как и мои одноклассники. А потом вдруг поняла, что у меня тоже такой голос. И что я тоже хочу петь на сцене.

– **Ваши родители вас поддержали тогда?**

– Не могу сказать, что поддерживали, но не препятст-

вовали. Хотя от академической музыки, от искусства они были очень далеки. Мама моя была неграмотная женщина...

– **В смысле?**

– Да, в прямом смысле. Но меня она в пять лет научила читать и писать. Давала мне газету и заставляла переписывать заголовки. Поступая в первый класс, я знала наизусть «Что такое хорошо, что такое плохо» Маяковского, много читала. У меня с музыкой, с пением все сложилось не сразу, я до поступления в училище успела поработать. Я ж – прядильщица пятого разряда (*смеется*)! Была тогда в Каспийске текстильная фабрика. А еще «печатница третьего разряда» – это я уже в типографии работала, вахтером на заводе «Дагдизель» тоже была, но это я уже училась и подрабатывала. А вообще в детстве я мечтала быть врачом, причем, именно хирургом. Наверное, потому, что мама работала санитаркой в больнице.

– **Вы сказали, что голос дается тем, в ком есть темперамент, артистизм. А какие еще качества требуются вокалисту?**

– Вокалист, в первую очередь, должен быть абсолютно здоровым. Наш инструмент, голос, он ведь внутри нас. Вроде бы ничего сложного – рот открывать, но это на самом деле пение – это колоссальная нагрузка на организм, особенно на сосуды, это постоянное напряжение. Не случайно вокалисты, как и духовики, могут досрочно выйти на пенсию, имея 20 лет певческого стажа. У меня как-то была студентка, вроде хоро-

шо все складывалось, но к третьему курсу вдруг начались головные боли, гипертония. Оказалось, что у нее в раннем детстве было повышенное внутричерепное давление и пение спровоцировало рецидив. Организм не выдержал нагрузки, и ей пришлось сменить профессию. Вокалист сам себя не слышит, точнее, слышит «изнутри», а это не так, как слышится со стороны. Поэтому особенно важен контакт между педагогом и учеником. Возникнет он или нет, будет взаимопонимание или нет. Сказать «раскрой грудь, пой шире» – просто, а как это «шире» – надо еще объяснить.

– **Вы преподаете в Махачкалинском музыкальном училище и в Республиканской школе искусств имени Мурада Кажлаева для особо одаренных детей. С кем вам легче работать – с детьми или со студентами? И как Вы, востребованная артистка, пришли к преподаванию, это было сложно?**

– Не могу сказать, что с детьми легче или наоборот, потому что ты выкладываешься в любом случае. Но со студентами мне... интереснее что ли. Потому что это уже некий профессиональный уровень, общение почти на равных. Начинать преподавать я боялась. И сейчас боюсь навредить ученику, это опять же специфика вокалистов, наверное. Мой педагог (Валерий Кайцуков – заслуженный артист КБР, доцент Северо-Кавказского института искусств – *прим. ред.*) говорил, что загубить талант – это преступление, этому нет прощения. Страх навредить ученику со мной всегда.

– **Нужно ли студентам участвовать в профессиональных конкурсах? Вы лично участвовали?**

– Участвовать можно, но заикливаться на этом не надо. Нужно идти не за победой, а ради интереса окунуться в эту атмосферу, узнать что-то новое, профессионально вырасти. Мне самой именно это и было интересно. Я тогда еще училась и очень любила петь Шуберта. Я его до сих пор люблю – мелодика, интонации мне очень близки. Объявили международный Шубертовский конкурс. Первый тур был в Саратове, и я поехала, до такой степени уверенная, что во

второй тур не попаду, что даже не готовила репертуар. Прошла во второй тур – и всю ночь в поезде до Москвы учила произведение. Выучила, на немецком, между прочим, отлично исполнила, а вот в баховской арии, которую пела десятки раз, от волнения забыла слова!

– **А в театре случалось забыть слова или засмеяться не вовремя?**

– Случалось и не раз! В предпоследней сцене «Аршин мал алан» мою героиню похищают. За две минуты в крошечной темноте за кулисами я должна переодеться, потом круг поворачивается – и я сижу в новом платье в другой декорации. Переодеваться надо не только быстро, но аккуратно – отключить микрофон, снять блок питания, потом прикрепить его опять. В общем, костюмеры что-то не успели, круг уже пошел, в последние секунды они с него кубарем скатываются, а меня от этого разбирает смех. Так и выехала на сцену, давясь от смеха и делая вид, что это я рыдаю – похитили как-никак!

– **Сейчас модно дистанционное образование. На канале «Культура», например, показывали мастер-классы Вишневецкой и Образцовой. Как вы к этому относитесь, смогли бы давать уроки вокала по скайпу?**

– Нет-нет, эта форма для вокала совсем не подходит. Как можно учить удаленно ин-

струменталистов я тоже не представляю, если речь идет не о разовых консультациях. Какая бы качественная связь не была, звук все равно искажается, запаздывает, нюансов не слышно и не видно. Нет, научить петь на онлайн курсах невозможно, я считаю. Мастер-классы, тем более, таких великих исполнителей и педагогов, это несколько другое. К тому же те, что транслировали по «Культуре», были посвящены определенным темам: Галина Павловна Вишневецкая много рассказывала о том, как она работала над конкретной ролью, искала образ. Да, она там слушала молодых исполнителей, давала им советы, исправляла, но она-то их слышала вживую! Как и они ее. Нам показывали всего лишь запись мастер-класса, он изначально не был разработан для дистанционного обучения. Кстати, не случайно на вокальных отделениях вузов нет заочной формы обучения.

– **В одном из интервью вы сказали, что «наш зритель на сцене ценит слово и действие, а не эмоциональность». Поясните, пожалуйста.**

– (задумывается) Наша публика ценит слово, вдумывается в его смысл. Не случайно ведь, Дагестан – страна поэтов. Также дагестанцам свойственно действовать мгновенно...

– **Выхватил кинжал – и зарезал!**

– Применительно к сцене – точно: чего

там герой полчаса поет-страдает, взял бы, да зарезал давно! Еще очень ценят силу звука, так и говорят: «Хорошо пел, громко!» (смеется). Вокалист эмоции передает тембром, порой это очень тонкие нюансы, которые неподготовленный зритель не всегда различает, особенно это касается высоких голосов: «Что она там пищит?». Проблема восприятия академической музыки в республике усугубляется тем, что у нас нет акустических залов.

Был зал филармонии, но, увы, все мы знаем его печальную историю. Повторюсь, люди сегодня, особенно молодежь, лишены возможности слышать идеальное звучание – из телевизора доносится только бум-бум-бум, в наушниках звучит то же. В театре добиться качественного звука почти невозможно в силу объективных причин. Многие зрители пренебрежительно говорят, что это, мол, за опера, если они с микрофонами поют! А что делать, если зал не приспособлен и надо как-то

спасать положение. В «Евгении Онегине» (опера идет в Даггостеатре оперы и балета в концертном исполнении – прим. ред.) мы добились возможности работать без микрофонов – это такое удовольствие!

– **Что сейчас происходит в театре, в какой новой роли мы вас увидим в ближайшее время?**

– Ничего нового я пока не репетирую. Да и от старого постепенно отхожу. Я уже далеко не юная девушка и партии героинь, которые я до сих пор исполняла, не подходят мне по возрасту. Мне 50 лет, какая там Гюльчохра! (героиня оперетты «Аршин мал алан» – прим. ред.). Надо переходить на возрастные роли, а их пока нет, потому что репертуар не обновляется. В театре сложилась странная ситуация: из Москвы приглашен новый руководитель, на которого возлагаются большие надежды. Он работает уже два года, но ничего значительного не происходит. В чем выражается пресловутая оптимизация, если вместо того, чтобы укреплять свои кадры, постоянно приглашаются специалисты со стороны. Почему нельзя эти гонорары платить своим, мотивировать их? У нас есть свои прекрасные дирижеры, свои режиссеры.

– **Единственному своему профессиональному оперному режиссеру Диане Бижигуевой в республике работать не дали.**

– Бижигуева – это моя боль! Талантливейшая девочка: с отличием окончила актерское отделение

ДГУ, прекрасно работала в Русском театре, но все же ее тянуло к музыке, поэтому она поступила на вокальное отделение музучилища. Блестяще закончила! Затем – РАГИ (ГИГИС), где она училась у Дмитрия Бертмана, что само по себе дорогого стоит. В нашем театре она поставила три спектакля: оперы «Иоланту», «Шарвили» и музыкальную комедию «Странствия Бахадура», но, нет, ее буквально выжили! Лишиться такого специалиста – непростительное расточительство! Особенно в наших условиях. Мне такая кадровая политика непонятна. Как и требование сделать театр рентабельным. Академическое искусство никогда не было и не будет рентабельным. Здесь не шоу, сюда люди приходят не развлекаться, а мыслить. Вот и получается, что нового руководителя пригласили и требуют, чтобы театр приносил доход, а на чем он его должен сделать неизвестно. Это общая проблема. Извините, но за 20 лет работы в филармонии мне сшили одно концертное платье. Вот и бегают артисты по разным организациям – там ставка, тут полставки, уже хоть что-то, уже жить можно.

– **Вы поете на свадьбах?**

– Нет, не предлагали как-то. Зато спрашивают, почему не пою.

– **Если бы предлагали, пели бы?**

– Нет, голос не тот, не для свадеб, негромко пою (улыбается).

Владимир Севриновский

Рюкзак с теплой одеждой оттягивал плечи. Бахилы и шапка с трудом помещались в карманах ветровки. Помахивая лыжными палками, я шел по раскаленной дороге, дрожащей от марева. Кругом расстилалась степь – сухая земля, покрытая пучками травы. Изнемогая от жары, я приближался к цели – знаменитому на весь мир конезаводу N.

Дорога проходила через огромный поселок. Крепкие казацкие дома белели на солнце. Громко кричали подростки, гонящиеся за мячом. На них молча смотрел кряжистый дед с окладистой седой бородой. словно сошедший со старинных черно-белых снимков, он неподвижно сидел на завалинке. Застывший, спокойный – будто провел здесь не одну сотню лет, и ни революции, ни войны не могли поколебать его.

Но вот и ворота в лошадиное царство – об этом красноречиво говорит вплавленный в решетку металлический силуэт коня. Кирпичные казенные здания, а за ними, в тени деревьев, первые левады. В ближайшей резвится соловый конь. Кося на меня умным глазом, он грациозно пробегает рысью вдоль ограды. Красавец высоко поднимает ноги, копыта еле касаются земли. Кажется, жеребец не бежит, а неторопливо летит, любуясь собственным изяществом. Впоследствии я узнал, что он был пробником. Едва ли найдутся лошади, чья участь более печальна и унижительна. Пробников используют, чтобы проверить, готова ли кобыла в течке принять жеребца. Как только он разгорячит ее и лошадь отведет хвост, готовясь быть покрытой, беднягу отгоняют прочь, и его место занимает породистый конь, жирный и могучий, которому некогда тратить время на глупые ухаживания.

Лебеди

У здания правления, совмещенного с заброшенным манежем, величественный начкон давал интервью молоденькой журналистке. Вокруг суетился оператор. Заметив меня, они удивленно замолчали. Воспользовавшись паузой, я представился и сказал, что хочу пожить немного на конезаводе, знакомясь с его жизнью и упражняясь в верховой езде.

– А почему вы так странно... – наконец, выдавила из себя журналистка.

Пришлось объяснить, что я лишь сегодня вернулся с Эльбруса.

– И что, взошел? До самой вершины? – недоверчиво спросил начкон.

Я кивнул.

– Петр Саввич! Возьмите его, пожалуйста! – радостно запрыгала девушка.

Жесткие губы начкона тронула улыбка:

– Тому, кто взошел на Эльбрус, я просто не могу отказать. Часто ездешь на лошадях?

– Два раза в неделю.

– Мало, нужно заниматься каждый день. Ну ничего, завтра дашь расписку, что мы не несем за тебя ответственности, и можешь садиться на лошадь. А сегодня я... занят...

И он покосился на журналистку с оператором.

Квартирка, выделенная мне, была просторной, но заброшенной и пустой. Прежние хозяева вынесли все кроме сотни-другой мушиных трупиков. Что ж, крыша над головой есть, а остальное приложится. Я расстелил на полу флисовую куртку и штаны – получился неплохой матрасик. Осталось только положить на него спальник, и роскошная постель была готова. До ночи было далеко, и я пошел знакомиться с обитателями конезавода.

– Ты верхом ездить умеешь? – говорит мне высокий чернявый конюх вместо приветствия. Его зовут Вадька, он – один из самых молодых работников.

– Умею.

– А слабо отличить чистокровку от ахалтекинца?

– Не слабо.

– Тогда пошли.

Он подводит меня к обширной леваде, в которой пасутся кобылы с жеребятами. Золотисто-рыжие, гнедые, соловые, с элегантными длинными ногами и чуткими ушами.

– Попробуй определить, кто она, – Вадька тычет пальцем на ближайшую кобылу.

Я судорожно вспоминаю, чем ахалтекинцы отличаются от чистокровок. Ахалтекин-

цы – одна из древнейших пород, не похожая на других ни статью, ни характером. Чуткие, нервные, они способны на настоящую привязанность к человеку, тогда как большинству лошадей все равно, кто на них ездит – важно лишь мастерство всадника. Тщетно хозяева надеются, что лошадь приветствует их ржанием по большой любви. Да, любовь есть, но не к человеку, а к морковке у него в руках.

Был на юге и более действенный способ добиться преданности лошади. Молодое животное надолго сажали в яму, и каждый прохожий кидал в него камнем или палкой. Лишь хозяин приносил вкусную еду. Такая верность питалась не любовью, а всеобъемлющей ненавистью лошади ко всем людям за исключением хозяина.

Многие всадники хотят, чтобы лошадь их искренне любила, но это ей не свойственно. Некоторые обманывают себя, покупая видимость любви за морковку. Но именно это качество я полагаю наиболее достойным уважения. Кони чужды слепой привязанности, они судят по делам. Можно скрыть от человека трусость, жестокость, слабость. Впечатлить его богатством, властью и умением жонглировать словами. Но лошадь оценивает тебя строго и беспристрастно, и горе тебе, если не сдашь экзамен этому гордому и мудрому учителю.

– Ну что застыл? – смеется Вадька. Ему лень ждать, пока я определюсь, и он отвечает за меня:

– Смотри: у чистокровок грива длиннее, а у ахалтекинцев вся холка – лысая. И шея выгибается прямо вверх. Ни у кого больше нет такой шеи. Разве что у лебеда.

Мы продолжаем разговор на завалинке у конюшни. Вскоре к нам присоединяются еще двое – худой Ваня с жиденькими усами цвета спелой пшеницы и Павел – молчаливый кряжистый мужик с туповатым, печальным взглядом пьяницы. Павлу лет сорок, а возраст Вани определить невозможно. Такие люди живут десятилетиями, почти не меняясь, и потом в один момент становятся стариками.

Казаки достают дешевые сигареты, и начинается извечный философский спор, верный спутник ночных пьянок и длительных перекуров. Разница лишь в том, что о чем ни ведется речь – о космосе, человеческой цивилизации или о женщинах – в ней то и дело проскальзывают кони.

– Женщины – словно лошади, – мечтательно говорит Вадька. – Самые лучшие не покоряются тебе сразу. Они сопротивляются – гордые, независимые. С ними поначалу тяжело. Но зато потом, когда твоя воля пересилит, такая отдаст тебе все, и будет несравнимо щедрее, чем скучная деревенская кляча, которую может заездить любой трус и дурак.

Вечереет. С поля приходит табун. Десятки лошадей толпятся у моста через речку, отделяющую конезавод от степи. Наконец, ворота распахиваются, и лошадиный поток устремляется внутрь. Поднятая сотнями

копыт, клубится пыль, и дрожит земля от конского топота. Слышны крики людей и звонкое ржанье. Конюхи запруживают лошадиную реку, разбивают ее на ручейки, которые послушно втекают в разверстые ворота конюшен. Все застывает до утра. Лошади отдыхают в денниках. Даже во сне они разные: боязливые дремлют стоя, как их осторожные дикие предки или косячные жеребцы, которые не высыпаются годами, дабы не прозевать попытку бунта. Другие лежат, беспечно разметав ноги на всю ширь денника. Кто-то тихонько посапывает, кто-то зычно храпит, издавая невероятные звуки. Если такого разбудить, вид у него будет смешной и нелепый: глупая спросонья физиономия, взлохмаченная грива, нижняя губа, болтающаяся как тряпка. Но сегодня никто не потревожит лошадиный покой. На конезавод опускается душная южная ночь.

На следующее утро в правлении значительно меньше народу – многие отправились в Пятигорск смотреть «Большой Приз». Раньше работников забирал специальный автобус, но на этот раз пришлось добираться своим ходом.

До города меня подбросил Георгий – веселый кавказец, у которого в соседней деревне нехитрый строительный бизнес. Он ехал на вокзал искать среди бомжей новых работников.

– Я им все устроил – и ночлег, и еду. Даже телевизор поставил! Что еще нужно? И все равно беда. Иной не успеет деньги получить, глядишь – и пьяный валяется. Молодые, здоровые, а работать не хотят. Бездельники, вах! Приходится часто за новыми ездить...

Высаживая меня у вокзала в Минеральных Водах, он дружески хлопнул по плечу и сказал:

– Попадешь к нам, в Воскресэнское, заходи – гостем будешь! Постучи в любой дом в деревне и спроси, где живет грузын. Грузына все знают!

Пятигорский ипподром недалеко от города, у подножья горы Бештау. Сотни зрителей растекаются по деревянным трибунам,

построенным по распоряжению маршала Буденного. Некоторые вплотную подходят к дорожке. Оттуда удобно фотографировать лошадей. К тому же, толстый кавказец бойко торгует шашлыком в паре метров от ограждения. Совсем иная публика на втором этаже. Чиновники в летних шляпах советского образца и взлохмаченные старики оставляют на программке карандашом только им понятные пометки. У тотализатора – суматоха. Но самые опытные не спешат в кассы. Они выжидают. Наконец, мимо трибун проносятся к стартовым боксам лошади. Кто-то мчится ровным галопом, кто-то летит стремглав, кто-то мотает головой и упирается, смущая болельщиков.

– Да, да! – шепчет старик с полным ртом металлических зубов. – Ровно идет, бестия! Красив, черти б его драли, сукина сына!

И только теперь, собственными глазами увидев пробежку, он несет в кассу замусоленный червонец.

Одна за другой выходят лошади на дорожки ипподрома. С именами пышными – Кимберлейн, Сакраменто; нелепыми – Абонемент, Вариант, Стилистика; и даже «деловыми» – Икея и Банкомат. Надменные чистокровки – продукт столетий труда английских селекционеров. Грациозные ахалтекинцы, у которых форма ушей и холки куда важнее спортивных качеств. Миниатюрные красавцы арабы – их хвосты воинственно подняты и колышутся на ветру, словно стяги.

Большинство скачек начинается далеко за поворотом. Издали кажется, что всадники в ярких камзолах плывут по воздуху. Но вот они ближе, ближе – и все заслоняют лошади. Глаза горят, ноздри раздуваются, копыта гремят, как африканские барабаны. Что они чувствуют – азарт? Животный ужас, заставляющий трепетать огромное сердце и рваться сухожилия? Или, быть может, человек окончательно превратил их в живые механизмы, сотни килограммов мяса, имеющие лишь одну цель – бежать, бежать, бежать...

Когда я возвратился, конезавод молнией облетела радостная весть – одна из кобыл заняла второе место. Такой успех здесь вы-

падает нечасто. И дело не в лошадях – многие из них блестяще выступают не только в Пятигорске, но и в Москве, и даже за рубежом. Но – лишь после того, как переходят из конезавода к частникам. Только они правильно готовят их к соревнованиям и нанимают дорогих жокеев.

– Хочешь купаться? – спрашивает Ваня поздним вечером.

Еще бы!

Он выкатывает мотоцикл – ржавую таратайку полувековой давности. Мотор не заводится. Конюх долго шаманит с металлическим брюхом. Наконец, раздается хлопок, и двигатель выплевывает сгусток огня. Ваня удовлетворенно смеется. И точно – старинная колымага оживает. Мы лихо подъезжаем к конюшне. Внутри Павел пересыпает овес в большой мешок. Его руки дрожат от напряжения.

– Помочь? – спрашиваю я, еще не понимая, что происходит.

Он отрицательно мотает головой. Наконец, туго набитый мешок перевязан бечевкой и водружен в коляску мотоцикла. Павел плюхается поверх него. Я усаживаюсь на заднее сиденье, и мы рывком трогаемся с места.

Вместо прямой асфальтовой дороги Ваня мчит на заболоченный берег. Мотор всхлипывает, как истеричка. Свет фары нервно мечется по колдобинам и мелким взхолмьям. Мотоцикл скачет по ямам, козля, будто норовистый жеребец.

– Пригнись! – кричит Ваня, и тут же над головой из тьмы возникает огромная ветка.

Увернуться удалось с трудом.

Мы проезжаем засыпающий поселок, мотоцикл пересекает автомагистраль и, заложив крутой вираж, замирает у прямой полоски воды, поблескивающей в лунном свете.

– Канал, – коротко поясняет Ваня. – Вода – прямо из Кубани. Чистая, не бойся. Только за проволоку держись, когда выходить будешь, а то бетон скользкий, весь в водорослях.

Мы раздеваемся и прыгаем в воду. Неглубоко. Косые бетонные плиты сходятся внизу почти под прямым углом. Тела фосфоресцируют в свете звезд.

Когда я выбрался из канала, Ваня и Павел уже прикладывались по очереди к горлышку бутылки.

– Хлебни-ка, – Ваня щедрым жестом протянул ее мне. Я понюхал и отшатнулся. От мощной волны сивухи зарябило в глазах. Не дождавшись моей помощи, Павел и Ваня быстро допили остатки, и мы пустились в обратный путь.

Мотоцикл остановился, фырча и отдуваясь, рядом с домом Вани. Хозяин при помощи Павла выволок мешок из коляски и оттащил его во двор. Стол на веранде, словно скатерть-самобранка, мигом наполнился угощениями. Огромная кастрюля супа с домашней лапшой источала вкусный пар, рядом примостилась сковорода с шипящей яичницей. Почетное место в

центре занимала, естественно, бутылка водки.

– Знакомься, моя супружница, – радужно произнес Ваня, указав на стоявшую в дверях хозяйку дома. Вокруг деловито сновали трое сыновей, серьезных и молчаливых. Самому старшему не было и десяти. В руке он сжимал топор. – Сам-то ты женат?

Я отрицательно покачал головой.

– Зря! – осуждающе сказал Ваня. – Обязательно скорее женись. Я как из десантуры пришел, много тут дел натворил. Ничто не сдерживало, понимаешь? Здесь нравы строгие. Участковый прошлый хотел порядок навести, так очередь в спину получил. Новый – наш человек, дружу с ним пока, да придет и его черед... Сволочь ментовская... У нас

ведь тут у многих оружие припрятано. И тоска смертная... Так я и понял – либо женюсь, либо загремлю в тюрьму ко всем чертям.

– Это точно, – буркнул Павел, пережевывая кусок яичницы. – Жениться – первое дело...

– И вот, живу помаленьку, – продолжил Ваня. – Свой дом, свои дети. Мои ведь дети, Глаша?

– Твои, твои, – без улыбки ответила жена.

– То-то же! – погрозил Ваня пальцем, отчего-то сразу повеселев.

– На следующей неделе немцы приезжают, будут лошадей покупать. Обязательно сходи, посмотри! Петр Саввич им всех показывать будет, и чистокровок, и ахалтекинцев. Красота! Наливай, Паша! За лошадей!

– Ваня! Может, хватит? – спросила жена.

– Наливай, кому сказал!

Я едва пригубил водку, а мои новые приятели уже осушили стаканы.

– Нам, вообще-то, пить нельзя, – Ваня доверительно дыхнул в лицо перегаром. Его светлые наивные глаза поблескивали.

– Почему?

– Мы – молокане. Религия такая. У нас тут и церковь есть. Красивая! Обязательно тебе покажу. Мы пришли сюда из Турции.

– Мусульмане, что ли?

– Нет же, христиане. Разве я похож на турка?

Глядя на его русые волосы и прокуренные усы щеткой, понимаю: не похож.

– В общем, мы – особенные христиане, – расплывчато пояснил Ваня. – Ближе к мусульманам. Нам пить нельзя, как прочим православным. И курить – тоже.

– Почему же ты тогда и пьешь, и куришь?

– Нельзя мне иначе, – тихо ответил Ваня. – И рад бы, да нельзя. Те из нас, кто не пил, давно уже в сумасшедшем доме. Или в гробу. Проклятое место, Володя. Проклятое... И никакого выхода нет...

– Да, дурное место... – эхом отозвался Павел.

Кусок яичницы чуть не застрял у меня в горле.

– Не может быть, чтобы не существовало выхода! – воскликнул я.

Ваня ухмыльнулся:

– А ты знаешь, сколько я зарабатываю? На какие деньги должен кормить жену и детей?

Он назвал сумму, и в мозгу тенью пронеслась мысль – я обычно вдвое больше оставляю, коротая с подругой вечер в московском ресторане средней руки.

– Но это же просто невероятно!

– А что делать? Желающих и на такую зарплату пруд пруди. Чуть что не так, мигом выгонят и возьмут другого. Нет здесь иной работы! Во всем поселке – только один конезавод, и больше ничего!

– Так уезжай в Москву! Ты – молодой, здоровый. Легко заработаешь в несколько раз больше!

Лицо Вани вплотную приблизилось к моему. Мощный запах сивухи ударил в ноздри.

– Володя, друг мой, – сказал он пустым, выцветшим голосом. – Я и рад бы уехать. Пусть Глаша меня забудет, я готов.

– Ваня! – укоряюще воскликнула жена.

– Не спорь, забудешь! – Он стукнул по столу кулаком. – Мигом нового мужичка найдешь. Мне виднее! Но я согласен, это нормально. Другое меня тревожит. Вот вернуться я через три года, постучу в дверь, а мой сын выйдет на порог и спросит: «Что за дядька к нам пожаловал?» Этого я не хочу, Володя. Этого не будет. Лучше умереть.

Тарахтящий мотоцикл медленно ехал по ночной улице. Мы проезжали мимо стаек подростков. Алели огоньки сигарет. Кто-то брэнчал на гитаре, кто-то просто слонялся без видимого смысла.

– Будут приставать – скажи им, что ты – мой друг, – бросил на ходу Ваня. – Если не уберутся, обращайся ко мне. Мигом урою.

На этот раз мы въехали в конезавод через главные ворота. Драндулет, чихнув напоследок, остановился у моего скромного обиталища.

– Можно, мы на минутку зайдем? – спросил Ваня.

Едва переступив порог, Павел пристынул.

– Вот это да... А мы думали, ты – друг Петра Саввича, он тебя по знакомству поселил...

– Я же тебе говорил, что увидел его вчера впервые в жизни!

Павел не ответил, только прошел дальше, в комнату. Ваня с бутылкой последовал за ним.

– Зачем ты тогда приехал? Неужели только на лошадей посмотреть?

– Разве этого мало?

– И какие тебе больше всех понравились? – улыбнулся Ваня.

– Конечно же, ахалтекинцы! – воскликнул я. – Они такие красивые! Разве их можно не любить?

– Да, красивые, – вздохнул Ваня, по-мрачнев.

– И к человеку они совсем по-другому относятся. Говорят, из всех лошадей только ахалтекинцы могут по-настоящему любить хозяина.

– Была у меня когда-то кобыла-ахалтекинка, – раздумчиво произнес Ваня. – Я на ней на работу ездил. Шустрая, хорошая. Но уж очень прилипчивая. Изводится, нервничает без хозяина. Иногда сорвется с привязи и разыскивает меня всюду, мордой тычется. Дура...

Помолчал и прибавил:

– Нет ее больше.

Уже несколько раз Павел с Ваней налили и выпили. Бутылка пустела на глазах.

– Смотри, какая забавная вещица! – Ваня поднял с пола непонятный деревянный инструмент, забытый у батареи прежними хозяевами.

– Не твоя? – спросил он Павла.

– Нет, не моя.

– И не твоя?

Я помотал головой.

– Что ж, должно быть, я обронил, – и он принялся непослушными руками запихивать инструмент за пазуху.

– Положи на место, Ваня, – сказал я.

– Что? – спросил он.

– Это – не твоя вещь, положи обратно.

Ваня завел глаза вверх, словно неожиданно увидел на потолке что-то интересное. Его правая рука юркнула в карман штанов и извлекла шило.

– Моя, не моя... Кто теперь разберет... – произнес он, перекатывая шило в широкой ладони.

Я растерялся. Мозг отказывался понимать: как может человек, только что делившийся последним куском, заколоть тебя из-за старой деревяшки, не нужной ни тебе, ни ему! Ситуация казалась по театральному абсурдной, но внезапно возникшее где-то рядом с желудком скользкое ощущение пустоты напоминало: я уязвим и смертен. Ваня косо, отсутствующе улыбался, и я вновь почувствовал на себе его взгляд. Добрые, светлые глаза. Такие бывают у лошадей. У жеребца, вырвавшего зубами кусок мяса из бедра всадницы, проезжавшей мимо. Глядя на добродушную морду этого травоядного – всегда такого спокойного, такого покорного тяжелой, подчас жестокой воле хозяина, – я не чувствовал ни отвращения, ни страха. Только удивление и непонимание. Мое мироощущение за долгие годы так слилось для меня с реальностью, что внезапно вскрывшаяся щель между ними пугала не меньше, чем шило. И я не видел и не вижу способа ее залатать.

– Ваня, я обещал Петру Саввичу, что здесь все останется в целостности и сохранности, – выдавил я из себя. – Обещал, понимаешь?

Думаю, мои слова звучали не слишком убедительно.

На мгновение Ваня замер. Потом небрежным жестом положил шило обратно в карман, а вещицу – на прежнее место. Прильнул к горлышку бутылки, высасывая остатки вонючей жидкости.

Когда Ваня заговорил вновь, его голос был совсем другим – глухим, словно померкшим.

– Лебляди... Красивые, суки... Любимчики Петра... Ненавижу их, всех ненавижу! Что в них толку, кроме красоты? Призов не берут, быстро не скачут. То ли дело чистокровки! А он возится с ними, как с писаной торбой. Время и деньги переводит. Так бы взял нож и перерезал их всех до единого. На мясо. Красавчиков этих нежных.

– Не горячись, – утробно промычал Павел.

– Помолчи! Накипело у меня! – крикнул Ваня. – Ничего, скоро придет наше время! Лопнет терпение, польется кровушка по

всему Кавказу! До всех начальничков руки дойдут, и до Петра вашего Саввича. Тогда они поймут, каково с нами так обходиться, да поздно будет. Ближе это время, помани мои слова. Ближе!

Он поднялся, шатаясь. Мы с Павлом подхватили его с двух сторон и повели к выходу. В коридоре мышцы его костистых рук расслабились, и он произнес:

– Хороший ты, Володя, парень. Простодушный совсем. Нельзя такого, как ты, обидеть.

– Пора, Ваня, пора, – подталкивал его Павел, чудесным образом почти протрезвевший. Я распахнул дверь, и добрые глаза Вани вновь блеснули:

– Хочешь, поди, чтобы мы ушли?

Я пробормотал что-то неразборчивое, упершись взглядом в мусор на крыльце.

– Четко отвечай и в глаза гляди! – гаркнул Ваня, внезапно выпрямившись.

Я промолчал.

– Никогда не отводи взгляда! Те, кто отводит взгляд, здесь долго не живут, понял?

Не дожидаясь ответа, он резко повернулся и исчез во тьме.

Всю ночь я беспокойно ворочался. Громкий кашель рвал редкие лохмотья сна. Кашлять я начал еще на Эльбрусе, но приступы исчезли после восхождения. Теперь они возобновились с утроенной силой и подбрасывали мое тело, как марионетку.

Наутро я с трудом выполз из дома. По опустевшей улице проскакал Вадык на молодой неоседланной кобыле. Лошадь кричала от страха и приседала на задние ноги, но Вадыкины икры крепко сжимали взмыленные бока.

За поворотом я повстречал Павла. Он сидел на груженой сеном телеге, которую бодро тащил игрневый русский тяжело-воз. В руке Павел сжимал вилы.

– Ишь, стервец! – заметил он, поздоровавшись. – Только вил и боится. Иначе с места не сдвинешь. Можно еще прут потолще взять, но тут самое главное – побольше им размахивать, не касаясь спины. Стоит хлестнуть случайно, он мигом сообразит, что удар такой мелочью для него незаметен,

и перестанет слушаться. А вилы он всегда уважает. Да ты аккуратней с ним, а то мигом укусит!

На степь навалилось полуденное марево. Воздух дрожал, кашель терзал легкие. Возле реки Петр Саввич уже четыре часа позировал фотографу. Он стоял в белой рубашке на фоне конезавода, и к нему по очереди приводили лошадей. Маток с жеребятами и могучих производителей. Ахалтекинцев и английских чистокровок. Рыжих, гнедых, вороных... Затем уставший начкон сел в свою «Волгу» и уехал, так и не подписав разрешение на верховую езду. «Завтра» – буркнул он, подвозя меня до деревенской столовой.

Остаток дня я провел в компании рыжего ахалтекинского жеребенка – столь родовитого, что даже сидеть в его присутствии было неудобно. Любознательный юный принц ходил за мной по пятам, то и дело пробуя на зубок. Делал он это из чистого дружелюбия – у лошадей считается хорошим тоном покусывать друг друга за холку. Так мы и гуляли вдвоем, пока кобыл с жеребятами не загнали на ночь в конюшню.

На следующее утро я собрал рюкзак и сдал ключи от дома приветливой бухгалтерше.

– Что ж вы так, – огорчилась она. – К нам, на Ставрополье, люди едут здоровье поправлять, а вы – наоборот...

Когда я покидал конезавод, табунщик погнал лошадей в степь. Высокие, грациозные, шли вперед буланные ахалтекинские кобылы с жеребятами. Короткие темные гривы подчеркивали изящество гибких шей, блестящих на утреннем солнце. Торжественно и спокойно выступали соловые лошади, казавшиеся ожившими статуями из чистого золота. И снова, как в первый раз, дух захватило от их невероятной красоты.

– Лебеди, – прошептал я. Затем повернулся и, не оборачиваясь, зашагал прочь – туда, где меня ждала дорога. Пыльная асфальтовая дорога, ведущая домой.

Магомед Бисавалиев

Пытался вспоминать отдельные картины детства, более поздние, если сравнивать с воспоминаниями моих собеседников. Самая ранняя – это когда отец купил новый холодильник, и как я ходил вокруг него. Мне было очень любопытно. Особенно удивило, когда загорелась лампочка внутри. Полочек не было, их сняли, когда холодильник несли домой, чтобы они не попадали. Я был очень рад, в холодильнике горел свет, я забрался внутрь, и отец сказал, что это мой дом.

И вдруг дверь закрылась. Свет потух. Я оказался в полной темноте. Мои слабые детские ручки, как могли, толкали дверцу, но она не открывалась. Я плакал, бился, кричал, но дверь не выпускала даже крик. А потом она вдруг отворилась, я выпал, мой крик вырвался наружу и заполнил все. Оказывается, старший брат, которому надоело слышать, что это мой дом, закрыл дверцу и держал, сиди, мол, там, если твой. За что получил от прибежавшей мамы прутом по спине.

Помню, как маленький я пошел на каток. Был большой снег, и блестящий каток из льда, я с трудом ходил по нему и падал все время. Сестра забрала домой, посадила меня у печи и дала горячую печеную картошку прямо из нее. Мама пришла и схватила ладонями мои замерзшие щеки теплыми руками, накричала за то, что долго был на улице, и уложила спать. Старшая сестра укрыла нас одеялом с головой и там, в темноте чужим хриплым голосом пела песенку старого медведя на джурмутском диалекте аварского языка:

*Дун хІерлҕила, халикҕлҕила,
Рас хІулила, са бихъала,
Гъубил кьомоб – басанлаб кьо,
Салибаза – чихІарлаб кьо,*

*Гесенал жал – чІамулеб кьо,
ЧІахІаял жал – хъамулеб кьо
Айла, майла мигІил гІоооор...*

В переводе на русский это звучит примерно так:

*Постарел я, стал немощным,
Волосы вытали, да и клыки поредели,
Был день танца на крыше мельницы,
Вырывал из земли корни деревьев.
Мелкую живность грыз разом,
Крупную забирал к себе в берлогу.
Да протекут ныне реки слез,
И нет возвращения молодости...*

Когда сестра пела во мраке эту песню низким чужим голосом, перед моими глазами мелькали картины – мельница, лес, старый медведь, я сам оказывался в каком-то загадочном мире и начинал бояться под одеялом. И когда страха становилось уже очень много, сестра громко выкрикивала припев «айла, майла мигІил гІоооор» и сбрасывала одеяло. Радовался бесконечно, что спасся от медведя, от этих страшных картин, и увидел свет.

И вот засыпаю я после песенки сестры и вижу во сне себя в темном лесу, иду я по узкой тропе, а ей конца нет. Вдруг появляется старый медведь с высунутым языком и идет ко мне. Я убегаю и прячусь под деревом, чтобы он не заметил, а он подбирается все ближе и ближе. Я делаю вид что сплю, медведь все подходит, я чувствую его ворчание и дыхание, в это время медведь наклонился и коснулся языком моего лица...

– Он весь вспотел! Говорила я вам не выпускать его на улицу? – говорит мама и ругает домашних. Она вытирает мне лицо, а я все не могу разобрать, мама это или я в объятиях медведя до сих пор. Обрадовался, когда по-

Детство

нял, что все же мама, хотя она, когда наказывала за баловство и сердилась, сама становилась, как медведь. Я ее так и называл. Отец и домашние смеялись, сама мама тоже принимала это вполне нормально, видимо нравилась ей такая роль в семье.

Так и рос в ауле со своими радостями и печалью. Когда с плоской крыши перед отцовским домом смотрел на вершины дальних гор, мне казалось, что за той горой все обрывается в бездну, и там кончается мир. Это пугало. Это было трудно уложить в голове. В мире все должно было быть предельно ясно. Медведи в лесу, волки и туры в горах, лиса где-то в норе.

Были еще кавтары. Говорили, что иногда вечером возле фермы раздается плач, перехо-

дящий в истеричный смех. И что именно такие голоса бывают у кавтаров. Больше всего я боялся, и дрожь по телу проходила, когда рассказывали, как кавтары убивают свои жертвы.

– Ты знаешь, как кавтар убивает? – сказал однажды старший брат. – Они как волки и медведи не грызут. Они ловят человека и начинают щекотать живот, ты смеешься и смеешься, и не можешь остановиться. В это время сам кавтар смотрит тебе в глаза и смеется сам тоже. Твой смех глушит смех кавтара. Его смех от нашего отличается тем, что переходит в плач, а после обратно превращается в смех. Вот так смеются, потом от смеха задыхаются и умирают люди, попавшие в руки кавтара. И все они, умершие от кавтара, бывают с улыбающимися лицами, – сказал и как-то странно улыбнулся мне в лицо брат.

В горах после выпадения снега мы полностью были оторваны от внешнего мира. Автомобильной дороги еще не было, свет очень часто пропадал во время снегопадов, в маленьких аулах на 20-30 дворов не знали, как скоротать время до рассвета. Так и собирались в длинные зимние ночи перед печкой, бросали в нее картошку и рассказывали истории. Истории были самые разные. Женщины чаще всего рассказывали о сновидениях, о привидениях, о шайтанах и джиннах, будалаах и кавтарах.

Мужчины рассказывали о походах в Кахетию, о войнах и предках, которые совершали подвиги, о горском быте, овцеводстве и хозяйственных делах.

У детей был свой мир. Дети дни считали, дожидаясь наступления весны. В длинные зимние ночи перед глазами мелькали красивые картинки, первый весенний дождь, пахота, возвращение овец и чабанов с равнины, приезд гостей из Цора, лакомства, фрукты, красивые лошади и походы на них в горы. Были и у нас свои рассказы, сказки и разного рода легенды из детства.

В горах занятия людей соответствуют времени года. Жизнь там скудна и бедна, приро-

да и климат суровые. Поэтому работать надо круглый год, чтобы выжить. Я очень любил, когда осенью на мельнице жарили ячмень с кукурузой и делали толокно. В открытом огне пекли картошку и собирались у огня.

Приятный запах свежего толокна, печеного картофеля и тепло очага согревали душу и тело. Это воспоминание осталось на всю жизнь со мной.

История на мельнице

Осенью, когда делали муку или толокно, надо было оставаться на мельнице, убирать измельченное толокно из корыта, чтобы жернова могли свободно крутиться до утра. Так оставался и я, когда с дядей, когда со старшим братом. Но жуткая история, рассказанная старшей родственницей в одну зимнюю ночь, меня сильно впечатлила, и я больше с ночевкой на мельницу не ходил. История была вот такая.

– Жители каждой сакли аула по очереди ходили на мельницу, чтобы помолоть муку на зиму. Была поздняя осень. От ранних холодов речка стала совсем маленькой, мельница работала медленно, и люди торопились, чтобы успеть все помолоть до наступления зимы. Когда заморозки начинаются, мельница не работает.

Наступила очередь одной вдовы с четырехлетним сыном. Муж ее умер в то лето от малярии, и она осталась одна с ребенком. Не было у нее родственников, и вдова с сыном пошли на мельницу, чтобы ночью помолоть свой мешок. Время было беспокойное. В лесах Джурмута и в Цоре ходили разбойники к'чага'ги, грабили путников, угоняли скот и воровали, кто где мог. Несмотря на это, пришлось этой несчастной женщине отправиться на мельницу, иначе с голоду умерла бы зимой с ребенком. Разожгла костер, дала сыну напиток из толокна и уложила его спать. Мельница работала с монотонным стуком, шум большого потока воды, который бил по лопастям, и вращение жерновов звучали своего рода музыкой в глуши осенней ночи.

Женщина дремала и от каждого шороха вздрагивала и бросалась к корыту, куда сыпалась мука, следила, чтобы вращающийся камень не остановился. Когда все насыпала в мешок, кто-то с улицы начал дергать дверь. Она от страха побежала к сыну, подняла его на руки и спряталась в дальнем углу. Чья-то сильная рука дернула повторно, засов сломался, дверь отворилась. Вошедший зажег огонь, подошел к жерновам и корыту, где была мука, и начал осматриваться кругом. Через мгновение увидел дрожащую вдову с ребенком в дальнем углу.

– Принимайте гостя, – сказал разбойник. – Мука есть, огонь есть, вода есть, женщина есть, как тут не быть хинкалу. Делай хинкал, а этого волчонка дай мне, – сказал неожиданный гость и взял на руки ребенка. Ни винтовку с плеча, ни кинжал с пояса он не снял. Маленький мальчик начал играть с ним, осматривать газыри на черкеске и кинжал ночного гостя. Женщина взяла сах муки из корыта, насыпала на плоский камень, чтобы тесто месить, и собралась пойти за водой.

– Идем, сынок, с мамой, наш гость голодный, ты будешь держать лучину с огоньком, когда я буду воду набирать.

– Не пойду, я хочу с ним, у него кинжал красивый, – сказал сын. Он упрямылся, не хотел идти с матерью. Мать настойчиво уговаривала, он не слушал ее. Наконец, мать вышла из мельницы, закрыла дверь, а после взяла толстый кол, воткнула в наружное отверстие

в стене и замкнула ее намертво. Гость, почувствовавший неладное, бросился к двери, но опоздал.

– Не глупи, твой сын у меня, набери воду и вернись, – сказал он через отверстие в стене.

– Мой сын со мной вышел бы, он не мой сын, – ответила вдова.

– Открой быстро, если не выйдешь, я его убью! – захрипел разбойник.

– Это твой сын, если он отказался со мной выйти и остался с тобой – ответила мать.

– Я начну его тебе кусками выдавать, потом пожалеешь! – прокричал разбойник.

– Не хочешь ты своего сына? Открой быстрее дверь! – прокричал он и выкинул наружу отрезанную руку мальчика.

– Это твой сын, мой сын вышел бы, когда мать просила, – ответила мать. Разбойник выкинул отрезанную вторую руку и опять спросил:

– Не хочешь ли ты открыть дверь?

Мать боялась, что он может выбраться и схватить ее. Заглянула вовнутрь: окровавленный мальчик плакал, лежа на земле, а разбойник ставил друг на друга мешки и камни, чтобы вылезти по широкому дымоходу на крышу. Она побежала во двор мельницы, взяла топор и поднялась на крышу. Была ясная лунная ночь. Не прекращающийся плач ребенка, шум мельницы и речки почти заглушили ее шаги. Сердце все сильнее и сильнее билось, по телу проходила дрожь, дрожали руки и ноги. Она слышала шорохи в дымоходе, слышала дыхание врага, которое становилось все громче, все ближе. Через мгновение из дымохода показалась правая рука, а за ней и голова. Женщина изо всех сил ударила топором по этой голове...

Когда её привели утром в аул, она истерично повторяла одни и те же слова:

– Мой сын маму одну не пустит, мой сын маму... мой сын одну... мой сын...

Вот эта жуткая история о мельнице и несчастной женщине врезались в память. После этого, каждый раз, когда я заглядывал на мельницу, перед моими глазами мелькали эти кровавые картины. И сама мельница перестала быть местом, где спокойно, уютно и тепло. Хотя никто не говорил, что история эта случилась именно у нас.

Дамир Саидгазин

День начался с трупы по адресу Чаринова, 55.

– Плохая примета, – сказала работница «скорой» Мафизат и плонула через левое плечо. Нелепая смерть алкоголика во время ночной пьянки была только первым дуновением ветра.

Марево чертовщины медленно надвигалось с Каспийского моря и до обеда накрыло без боя сдавшуюся Анжи-горку. В течение часа в тюрьме из красного кирпича произошло сразу три попытки самоубийства, в подвале на улице Маячной бесследно испарилась демо-запись новой песни махачкалинской рок-группы, а оператор РГВК не вернулся с перекура и первым автобусом выехал в Крым.

После полудня странные вещи стали происходить уже в центральной части города. Причем показания жителей перпендикулярно расположенных улиц были прямо противоположными. Так, завсегдатаи кофейен на Советской и Ленина утверждали, что по улицам ходили и говорили необычными голосами люди, одетые в кольчуги и маски пальтаров. Жители дворов с Горького и Дахадаева, напротив, уверяли, что к трем часам дня город накрыл небывалый ливень, а улицы Буйнакского и Пушкина полностью оказались под водой.

Худрук чеченского танцевального ансамбля, дававшего в этот вечер концерт, проснулся в гостинице с сильной головной болью и срочно собрал пресс-конференцию, чтобы сообщить журналистам, что все остальные виды искусства есть «лишь побочные продукты танца». Выступление ансамбля, задержавшееся на час, все-таки состоялось. Но, по рассказам зрителей, едва не было сорвано, когда во время третьего номера из рук двух танцоров прямо на сцене исчезли сабли.

К вечеру сильно похолодало и улицы опустели. Туманом заволокло все на расстоянии метра вокруг. И только странного человека в желтой одежде видели то в одной, то в другой части города.

Утверждали, что носки его туфель указывали на Мекку, а сам он двигался в сторону Дербента. Этого человека, одетого во все желтое и одиноко хромавшего в тумане по проспекту Петра, видели многие. Одни говорили, что на губах у него была злая усмешка, другие, наоборот, вспоминали, что он был в глубокой печали.

Разговоры о нем прекратились уже на следующий день, уступив место новому происшествию. Вся центральная площадь города была исписана зигзагами, свастикой и кругами неизвестного происхождения.

«Опустошитель» прибыл в Махачкалу. Основатель журнала Вадим Климов сразу по приезду в гостиницу, под впечатлением от дагестанцев пишет статью об истоках ретро-авангарда. Хозяин гостиницы, которому он читает свежий текст, не понимает Вадима и просит переселиться. Положение спасает Вера Крачек, по глазам которой можно определить приближение вечности с точностью до недели. Она берет прозаика за рукав и ведет в конференц-зал Национальной библиотеки, расположенной в том же городе.

– Свобода это рабство, – говорит Вадим сидящим в первом ряду библиотекарям. – Пока вы, читавшись Замятина и Оруэлла, боролись с тоталитаризмом, супермаркеты и компании вроде Apple и Google поймали вас в капкан, из которого вам не выбраться.

Единственное спасение – мой журнал. Постструктурализм ретро-авангарда актуализирует концепцию метафизической абстракции...

Пока Вадим читает, Вера поднимается с места и уходит гулять по библиотеке. Вадим обнаружив, что сидит один, ведет себя так, будто только что упал с десятиметровой высоты, отбив все внутренности. Он обрывает манифест на полуслове и замирает.

Подавленная количеством «измов», поперхнувшаяся терминами, махачкалинская публика молчит, вглядываясь во взгляд Вадима, как в пустоту.

Тишина и скрежет, источник которого не виден. Источник тишины также не обнаруживает себя.

Дагестанский философ Сабир Гейбатов выбегает к микрофону, представившись переводчиком.

– Кто хочет задать вопрос? – восклицает тело философа. Редкие слушатели вжимаются в кресло, словно при них произнесли неприличное слово. Пиджак писателя Саида Ниналалова недовольно морщится.

– Хорошо, кто не может? – делает вторую попытку философ. Но, обнаружив, что только что превратился в собственный симулякр, съезживается и тихо садится на место.

Герой пьесы Ролана Топора «Зима под столом», опубликованной в журнале Вадима Климова настолько беден, что живет под столом у хозяйки квартиры. Там же он готовит себе еду, принимает гостей и спит. Развлекается тем, что разглядывает ноги хозяйки и играет на скрипке. В авангардистских текстах «Опустошителя» пропорции мира всячески нарушаются, законы пространства и времени – предмет

игры автора, тело и личность то и дело распадаются на отдельные фрагменты, повинувшись логике сновидений.

Сон, ставший явью. Поклонники Кафки и Хармса чув-

ствуют легкий приступ тошноты. Остальных сильно штормит, они начинают беспричинно стыдиться и отрицать.

Фариза Муртазалиева раскладывает психоаналитическую кушетку прямо перед зрителями. Случайно зашедшая в конференц-зал длинноногая читательница в очках теряет сознание и падает на кушетку, приняв позу эмбриона. Рассредоточенные по залу маститые дагестанские художники тут же достают альбомы и молча рисуют ее.

– Это очень естественно, – говорит психоаналитик. – Сны пугают вас, но не видеть сны еще хуже. Традиционная или нетрадиционная литература, провокационная или официальная – это лишь ярлыки, которые нас успокаивают.

Неуместный и одиозный, анфан террибль российских литературных журналов, «Опустошитель» издается с 2010 года. Переводит и публикует классику и современные тексты модернисткой и авангардной литературы и философии.

Жанбодрийярларсфонтриерстаниславгрофоттовайнингергидеборуильямберроуз.

Нехорошая литература

То здание, где сейчас Театр поэзии, раньше было библиотекой им. Пушкина. Оказывается, она работала там еще с 30-х годов. Недавно, во время разрушения одной из стен, рабочие наткнулись на спрятанный чемодан. Кроме прочих запрещенных в советское время книг, в нем обнаружили отпечатанные на машинке стихи гениального аварского поэта, исчезнувшего в конце 30-х. Сейчас о нем практически никто не помнит. В советские годы были уничтожены все его рукописи и переводы его стихов.

Исчезли даже и имя, и фамилия этого уникального человека. Известно, что он писал на аварском и русском языках. В Махачкале есть отдельные люди (в основном в литературных кругах), которые знают о том, что он существовал, но и у тех сведения строятся по большей части на легендах и непроверенных фактах.

Уровень дарования этого аварского поэта был невероятным. Его называли дагестанским Хлебниковым. В его стихах находили отсылки к немецким романтикам, испанской поэзии, Маяковскому, Фрейдю. Во многом он предвосхитил эксперименты с поэтическим синтаксисом и рифмами, какковые мы встречаем у Бродского.

В 30-е годы имел популярность среди махачкалинской молодежи и интеллигенции. Любил курить травяные смеси и читать стихи. Рассказывали, что вокруг поэта быстро собирались люди и заморожено слушали его голос: у мужчин от стихов мурашки пробегали по спине, а женщины забывали своих мужей и возлюбленных и еще дня три после этого уверяли, что они не женщины, а тающее на солнце мороженое. И это при том, что большей частью свои стихи поэт читал по-аварски.

Поэзия Расула Гамзатова, появившаяся позднее, безусловно, уступала творчеству легендарного гения. Некорректно даже сравнивать их. Это были люди совершенно разные по масштабу. Предшественник Гамзатова был не просто поэтом, это был бро-

дьяга. Его помнят с длинной черной бородой, прогуливающимся по улицам Пушкина и Буйнакского. Когда он курил, то показывал на дым и говорил: «Вот дух мой. И этим духом пропитаются эти стены, эти улицы и этот город, и не исчезнет». Его часто принимали за бездомного или пьяницу. Для него запросто было сказать любому встречному все, что думает. Мог легко ввязаться в драку. Он не признавал социальных, пространных, временных границ, он жил по законам метафизики, известным лишь ему. Не состоял ни в Союзе Писателей, ни в каких-либо литобъединениях. При этом он не боролся против советского режима: для него это было как легкая заноза, которую

не замечал. Он был против устройства мира в принципе.

Расул Гамзатов в молодые годы рассказывал о нем друзьям те нем-

Легендарный аварский поэт

ногие факты, что слышал от отца, но по прошествии многих лет, видимо, и сам забыл. Память – хитрая штука: когда никто и ничто не напоминает нам о человеке, само собой начинает казаться, что его и не было.

Известно, что с переводами его стихов были знакомы многие в Москве и Ленинграде, где он прожил два года. Так, например, есть мнение, что ослепляющие своей яркостью метафоры в стихах Пастернака 30–40-х годов являются следствием его подражания аварскому гению. Можно представить себе, как сильны были оригинальные тексты. Еще существует легенда, что поэт бывал у Ахматовой, но та прогнала его, сочтя слишком наглым и самовлюбленным. Ей же принадлежат слова «После Есенина литературу превратили в отхожее место», возможно сказанные под впечатлением от дагестанского поэта.

В 30-е годы в Махачкале достать стихи свободолюбивого поэта можно было только по специальным адресам. Одним из таких мест, вероятно, и была библиотека им. Пушкина, где работницы по условному знаку или слову брали стихи из тайника. В конце 30-х годов поэт исчез. Предположительно, был

расстрелян. Во всяком случае, вся информация о нем и его тексты были изъяты и уничтожены. Возможно, в это время в библиотеку позвонили и предупредили о готовящейся проверке. Тайник загородили несколькими стеллажами архивов. Чемодан не нашли, но, опасаясь более серьезных проверок, проем в стене залили бетоном. Позже библиотекари менялись и о тайнике забыли.

И тут такая находка. Рукописи со стихами поэта были переданы на изучение в Институт языка и литературы ДНЦ РАН. Однако не прошло и недели, как кто-то украл листы из лаборатории. Велика вероятность, что стихи не уничтожены. Скорее всего, они хранятся у одного из дагестанских поэтов, который решил выдать их за свои. Думаем, очень скоро при публикации они легко обнаружатся среди прочих произведений такого автора. А пока судьба их

О сне и новых идеях, о соцсетях и потоках информации, о том, что все интересно, а жизнь одна.

Мой кэш нуждается в очистке. Про то, что мусора в нем не меньше, чем в канале Октябрьской революции, а для его утилизации потребуется отдельный полигон в Буйнакском районе, а то и дальше.

О вентиляторах, охлаждающих мозг, и о том, как они не справляются с возросшей нагрузкой, про вечно летающую видеокарту и изменение кривизны восприятия окружающего мира. Об информации, в которой раньше была потребность, а теперь от нее некуда деться. О том, как она нарастает и лавинами обрушивается на человека, безжалостными бомбардировками превращая сознание в руины, закручивая ум в торнадо соцсетей.

Про знакомого, который нашел у меня кнопку (где-то в области шеи). Про то, как в момент перезагрузки я увидел сотни свежих идей и мыслей, словно десять ярких снов были спрессованы и показаны мне в одно

не известна. К счастью, в институте все же успели переписать несколько отрывков. Их мы и предлагаем нашим читателям.

Сегодня утром по улице Инженерной,
где восседает Он,
от серой стены отвалилась краска
И пошла кровь.
Она была кирпичного цвета.

Все запахи видны,
все прелести слышны.
Не прикасайся к этой коже взглядом!

Пустота тиха.
Тишина пуста. < ... >

... [город] этот ни трезв, ни пьян,
Засыпает под «ян переходит в инь,
Инь переходит в ян».

мгновение. Про то, как ничего не успел запомнить. О том, что все новое находится внутри меня и его нужно просто вспомнить, но в доступе отказано.

Мой кэш нуждается в очистке. Про то, как один вопрос порождает десятки ответов, от которых тянутся дороги к сотням других ответов, а от них к третьим. Что всякое знание расходуется в пространстве мириадами причастных и депричастных оборотов, подробностей и уточнений, стремящихся к бесконечности. И как все успеть? Про то, что жизнь не существует по законам гиперссылки.

Про молодое поколение людей, для которых все многообразие мира, весь его хаос и космос могут выразиться в одной картинке 300 на 600 или в одной фразе, утратившей свое авторство. Про тех, чей процессор, если не более быстрый, то, по крайней мере, оснащен более современной технологией обработки информации.

О временной и постоянной памяти. О памяти, наконец ...

Мой кэш нуждается в очистке

Ты медленно сходишь с ума. Этот процесс необратим. Тебе уже сообщили, что дом будет снесен, а жильцов расселят не позднее января 2017 года. Мысли в твоей голове больше никогда не улягутся на свои места, потому что у них больше нет своего места. Мечутся они по коридорам, потом, устав, немигающим

взором смотряют в стены. В одном конце твоей головы чemoданное настроение, в другом

– спешные сборы и пир горой, застолье и веселое прощание с опостылевшей жизнью. А посередине – потерянные жильцы, бредущие из комнаты в комнату, собирающие и переставляющие пожитки – посуду и старый хлам, который уже не понадобится. Они переставляют его без остановки с места на место, не различая границ собственных владений, и вот уже жилец из угловой квартиры, забывшись, ночует в конце коридора.

Отныне дом живет по сумасшедшему распорядку, будто заведенные часы со сломавшимся механизмом. То наполняется

Я живу не во тьме, но при тусклом свете моего знания. Так как света этого никогда не достаточно, то предметы окружающего мира я не могу увидеть в их истинной полноте, объеме и глубине. А некоторые из объектов из-за недостаточной освещенности принимаются мной за совершенно посторонние вещи.

В этом полумраке мое воображение достраивает то, чего не могут увидеть близорукие глаза. И ладно, если бы оно рисовало только пугающие картины. На деле же оно чаще всего просто и глупо ошибается. И эти ошибки в итоге оказываются гораздо страшнее любых ужасов.

гвалтом голосов, бранью и спорами, в которых никто никого не слышит, то тишиной, от которой хочется выбежать на улицу.

Там, на втором этаже, воздух особенно гнется, искажая всякие пропорции – потолки достигают высоты двух этажей, комнаты сужаются до размеров кровати, а сами квар-

тиры кажутся бесконечными тоннелями из спален и прихожих. Время, проникнув вместе со сквозняком

«Ваш дом будет расселен»

через форточки, обманывает, берет в плен.

Даже молодые из жильцов бывают застигнуты врасплох бликами минувшего в дверных проемах, в темных закутках, под лестницей. Единственное спасение для молодого ума – выбежать на улицу, смешаться с потоком людей, машин, и больше не возвращаться в этот дом. Единственный способ уберечь душу от болезни – навсегда расстаться с этим местом. Быть в разводе, запечатать прошлое в сердце своем. Уходя, уйти.

А однажды случайно посетив его, не выдать себя ни словом, ни взглядом.

В тусклом свете моего знания

В тусклом свете моего знания о мире нет ничего хорошего. Ни погасить его полностью я не могу, дабы остаться в полной темноте, такой успокаивающей, ничего не ведающей, изначальной. Ни сделать свет ярким до степени озарения, когда любой предмет, сколь угодно далекий, был бы ясным и четким. Нет, я на это не способен.

Подобно ночнику, включенному на самой слабой мощности, мое тусклое знание выхватывает из темноты лишь переменчивые контуры вещей, ни в одном из которых я никогда не бываю уверен до конца.

Что мне остается делать? Закрывать глаза и жить наощупь.

Магомед Ахмедов

ЭПОХА БЕЗДОРОЖЬЯ

Ты гражданин эпохи бездорожья:
 грязь, капли крови, мутная вода,
 свисают петли с неба – провода,
 таков твой путь.
 И ты идешь.
 Куда?

К больному сердцу приложив ладонь,
 стою, окаменелый, у развилки,
 у полумесяца,
 креста, кольца дорог..
 Где та страна,
 которую любил ты?
 Ты не сберечь ее,
 не возвратить не смог.
 Ничем помочь.
 И прах лежит у ног.

Я помню юности моей веселый бег.
 Был чист и счастья ждал,
 а вышло вон как!
 Меня к груди прижал двадцатый век,
 а двадцать первый –
 вышлет похоронку!

Двадцатый век – он плачет за спиной.
 Не умирай, моя страна, не надо!
 И, если медлят огнеметы ада –
 о, Господи, душе моей больной

дай яркий свет, мучителей слепящий,
 дай этот дар, как и другой мне дал,
 дай ярость мне, чтоб сам я покарал
 предателей, кто дом мой обокрал,
 корысти ради, родину продал
 и кто страну мою довел до краха!

ВОЙНА

Опять война. Не спрашивай, пойду ли.
 Я в полный рост пойду,
 свой подорвав окоп.
 Страх отливает мысли
 в форме пули,
 Чтоб сдался я,
 и выдохся, и сдох.

Глаза открою – снова под прицелом.
 Наставлен вражий ствол.
 Затвор. Курок.
 Я окружен, я подлежу расстрелу
 Со всех сторон.
 И страшно одиноко.

Зову я друга:
 – Приготовься, воин!
 Умрем за родину.
 Ты слышишь мой приказ?
 А он седой качает головою:
 – Ты спятил, друг.
 Нет родины у нас.

КОРАБЛЬ ГОСУДАРСТВА

И я там плыл, в тот страшный час судьбы,
когда корабль большого государства
с народами, где был и мой аварский,
встал на валах, весь в пене, на дыбы.
Мгновеньем отделен он был от краха.
и, взятый штормом в новые тиски,
об океан ударился с размаха,
и с треском разлетелся на куски.

И погрузилась родина на дно,
Язык аварский, память и деянья
великих предков. Боже, как темно
и безысходно ей сейчас,
как в жуткой яме.

Подушкой душной в изголовье ночь
И мысли и тревога искрой красной:
Жива ли родина? Кто может ей помочь?
Или все поздно?
Бестолку?
Напрасно?
Я прошептал:
– Каков ее удел? –
Оборотясь в слезах к священной Мекке –
неужто в этом,
двадцать первом веке
настал ее последний,
судный день?
И вот сквозь визги тормозов,
шипенье шин,
услышал я в ночи, когда молился:
Сын! Не бывают горы без вершин.
А на вершинах –
Твой народ родился.

КЛИН ВОРОВ

Вот клин воров летит в страну чужую,
о нищей родине нисколько не горюя.
Не проклинай бандитов именитых –
их уши льстивым золотом залиты.

Тебя поносит и высмеивает, лая,
как псов, сорвавшихся с цепи,
вся в пене стая,
в твоих горах, долинах и степи...
Страна, ты выкормила их –
теперь терпи.

БЕЗГОЛОВЫЕ

Грохочет город. Визг, и грай, и свист.
Густеет смога мутная завеса.
И жутко мне, и обступают бесы,
с боков, и впереди, и по пятам.

И я молюсь Всевышнему: избавь
От рож бесовских,
смой, рассеяй их орды,
Огнем небесным
опали их морды,
мечом духовной брани
обезглавь!

Но обступают. В новом свете дня
хребты их четче, и виднее шеи –
Молитвою я головы им снял,
а безголовые, они еще страшнее...

НЕ ЗРЯ

Бескрылый день на брюхе ноября
Ползет – ни дел великих, ни свершений,
И вечер пуст, и он проходит зря,
Ночь воздвигает чуткие ступени.

Я на колени встал,
чтоб совершить намаз,
подлунный мир остановился, замер –
круг суток замыкал молитвы час,
слова лились, мешаясь со слезами.

И ожила душа,
и дух мой, обновясь,
как будто взял и вышел из темницы,
и ощутил я с вечным Богом связь,
вот было что не зря –
ему молиться!

МАТЕРИ

Предательство – вот ад, огня гиена!
Сжигает небеса души измена,
вором крадется,
киллером в перчатках,
лежит взрывчаткой на дороге,
под брусчаткой –
и я туда шагнул бы непременно,
когда б не голос: – Сын мой, оглянись!

Путь преградил мне материнский окрик:
– Остановись, сынок, остановись!
Я оглянулся. В доме гасли окна.
Но свет не убывал, неяркий кроткий,
он сыпался цветочною пылью,
я видел мать. Бежит ко мне по тропке
издалека я различил лицо:
от глаз до губ
раскинулись морщины
далекими дорогами моими,
которыми я так бесплодно шел
тревогою, бессонницей гонимый.
затягивался жизни ремешок,
но голос матери –
гортанный окрик: «Нет! –
услышал я, увидел ясный свет –
и стал, как сталь,
и стал непобедимым.

На баррикадах, на разрухе дней,
Из темных окон Родины моей
он мне светил. И на пирах чужбины,
когда в изнеможенье я роптал,
он обнимал меня лучами неземными
и теплую молитву мне шептал.

ПОСОХ И ЧЕТКИ

Вещим пером
заостренный мой посох
пишет по жесткому грунту эпохи.
Не признает он бумаги офсетной,
Не признает однодневки газетной
Шрифт ее тухлый, буковок блохи.

Под черепицей тяжелою строк
тесно душе.
На полях, между строк,
Родины новые ритмы.
Я изменю и манеру, и слог.
Звездные четки роняет Восток,
Слово, ты станешь молитвой!

Голосом чистым поет муаззин.
Как же красив мусульманский азан!
Всюду он слышен – в полях, на скале.
Всадник, весь светлый, замер в Седле* –
снег. Пики времени тонут во мгле.

* Седло-гора в Дагестанском Гунибе.

Что же, Эпоха! Я лист исписал.
Много поведал, но все не сказал
про мировое ненастье.
Смыло дорогу, а сверху обвал.
пропасть ощерилась пастью,
только вот посох меня удержал,
четки со мною, а не кинжал –
в этом все счастье!

ОХОТНИК

Как в дерево ветвистое – топор
вонзают махом – раз! – оно упало,
так валится олень, почти в упор
застреленный охотником бывалым.

Внимательный охотник. Снежный склон.
Для карабина – шесть и два патрон.
И в шею выстрелить –
хорошее решенье.
Ни голод, ни нужда. Не голый он,
в охотничьем богатом снаряженье.
Ему убить охота.
Радость в том –
чтоб жизнь отнять –
в расцвете, на излете.
За это благодарен он охоте.

Он любит, если в легкое попал,
(по окровавленным кустарникам прикинет,
что это так). Когда не наповал,
кровь светлая идет. Еще, когда навьлет.

Но круче, если в область живота –
И темная, со сгустками, кровяца,
тогда она из горла так и хлещет.
Глаза оленя... храп и хрипота.
И прочие для наслажденья вещи.

Охотники на всё на свете есть:
на голубицу – молодость, на честь.
и Родина моя – Олень – подранок,
кто с вышки целится,
кто ложь в рожок трубя,
охотников немало на тебя,
куда не глянешь – вся ты в ранах.

Но всех главней Охотник Новый Век.
Засады все меняет и обличья,
он не оленьей кровью и не бычьей
тропу кропит, в горах пятнает снег,

стекло автомобиля, стены, двери,
он человека валит, словно зверя,
грязь с рукава стряхнет привычно,
и, весь дрожа, бежит быстрее всех
освеживать и разделить добычу.

* * *

Читал я громадную книгу земли,
на глине, папирусных свитках,
на желтой бумаге в архивной пыли,
в брошюрах, на скрепках и нитках.
Я жизнь перелистывал.

Долго мой слух
безверья ласкала блудница,
и лживое слово ломало мой дух –
я страшные видел страницы!

Пробитые пулями были одни,
другие – в кровавых отточьях,
А третьи разодраны – соедини
Державы мельчайшие клочья!
Там совесть затерта,
зачищена честь,
подослан к Отчизне убийца...»
Но дальше не смог я
сложить и прочесть
обрывки кровавой страницы...

ЗОЛОТОЙ СНЕГ

Когда с плеча осенней чащи
летят последних листьев стаи,
мотив прощальный и щемящий
молитвы силу обретает!
Летают листья – златоглавы,
капелью солнечной струятся
и в придорожный ров оравой
ложатся.
На травы озимей зеленых
слетает листопад густой,
рванет внезапный ветер кроны –
и рассыпается по склонам
снег золотой,
снег золотой.
Как жду я этих дней, мгновений!
Не жду, а жарко жажду их!
Нездешней тайною овеян
упавший на дорогу лист.
Я нынче шел, а листьев стая
плела загадочный узор,
И вглядываясь, и читая,

я разглядел аул среди гор.
Мне виделся погост, могила
отца. И рядышком – моя.
Под звук чудесного мотива,
который ясно слышу я,
легко слетает листьев стая,
чуть освещая куст пустой,
и серый камень замечает
снег золотой,
снег золотой.

РАЗГОВОР С ВЕТРОМ

Ты душу вынимаешь, ветер,
и возвращаешь лишь клочки!
Дрожат дорог узлы и сети,
крылатый гул летит в ночи.

О чем ты? Что сказать мне хочешь?
О жизни прожитой не так?
Ты вечно свеж и полон мощи,
раскачиваешь мир, как рошу,
а я устал, устал, устал.

Взгляни на угол мой угрюмый.
Как духи тьмы, томятся думы,
ворвись в окно, шуми, кружись,
гляди, могучий, вольный, мчащий
на обещанное счастье,
на обезжизненную жизнь.

На это тело на диване.
В нем сердце было местом брани,
я вел войну, кидался в бой,
но выбит, вытоптан, изранен –
И враг мне ночь.
И врач мне боль.

Ты что-то отвечаешь, ветер?
Сорвал, согнув, железа лист,
гремишь торжественною жестью –
Опять ужасные известья!
Хорошие – перевелись.

Куда все катится? Не знаю.
Иль надломилась ось земная?
Из года в год, из года в год
событий безысходней ход,
Земля – и та пощады просит.
Куда она меня уносит
вращением наоборот?

ЭЛЕГИЯ МИРУ

Стоял я на скале, почти отвесной,
Передо мною открывался мир,
он кольцами дорог сиял и бездной,
горел огнями, полон был людьми.

И я сошел на стогна Дагестана,
И дальше шел, я что-то все искал.
меж двух веков, дуг одного капкана,
Ступил я – и захлопнулся капкан.

Кто говорил, что вырвусь я едва ли,
Что я не тот уже,
что крепко сдал?
То в яме жизнь, то в пыточном подвале,
но быть поэтом я не перестал!

Тебя не называю пошлым, грязным,
И не люблю подобное нытье.
Я плачу, мир,
твои увидев язвы,
Но лишь воспев величие твое!

Когда твой ропот переходит в рокот,
И под ногою – осыпь бытия,
Одной рукой
меня ввергаешь в пропасть,
Другой кидаешь лестницу. И я

вновь поднимаюсь.
Теплых спелых вишен
роса рдяная сыплется на склон,
покой воды, и горы стрех сторон.
Я словно первый раз тебя увижу.
Из ничего ты снова сотворен!

Шепчу слова простые в удивленьи
И ясен дух, а был вчера угрюм,
И в благодарности
встаю я на колени –
Вы знаете, Кого благодарю.

ТЫ

Убийственны слова, когда мы ссоримся
Всему конец. Уйди! – Ты говоришь.
Но перемирием сладка междуусобица,
И я прощу, и ты мне все простишь.
Я постучу – откроется оконце.
стеклянно зазвенит над крышей тишь:

чуть сонная,
в лучах бессмертных солнца
там ты стоишь

Слова, слова шальные наши пули,
и застревали в сердце,
и навывлет.
Уж нету дома, нет того оконца,
высотки лишь.
Уж новый май и яблоней соцветья,
окно открыло новое столетье –
чуть сонная,
в лучах бессмертных солнца
там ты стоишь.

* * *

Где эти губы – жар и сладость мая,
в густых сиренях свет весенний мерк...
на склоне лет я будто обнимаю,
как первую любовь, двадцатый век.

Я в сад вошел, а там – любимый голос,
я отвечал, да только невпопад,
волнистый воздух гладил, словно волос...
и счастлив был, пока виденье длилось
но вспомнил вдруг, что вырублен тот сад!

Где эти губы? Эта казнь и милость? ·
Колотит в стенку сердце арестант.
А молодость, как ласточка, забилась
в ущелье памяти – и плачет, плачет там...

НАДЕЖДА

Воздух пахнет снегом или кровью?
Я не то что жить – дышать устал.
Вырастают новые надгробья,
не снимает траур Дагестан.

Время – сапогами по обломкам
по спине солдатским вещмешком.
Что ему до предков? До потомков?
Время не заплачет ни о ком.

Мне дитя дает еще надежду, –
будущее мира среди бед –
улыбается в пеленках безмятежно,
излучая чистой жизни свет.

Перевод с аварского Нины Орловой-Маркграф

